

•

Елена Звёздная
Ваш новогодний подарок

От всех прочих городков северной Ландрии наш Уэстенс отличал один неоспоримо положительный факт — в черте города располагался военный гарнизон, а на его территории знаменитейшая военная академия королевства. Казалось бы что в этом положительного? О, если вам сие неведомо значит вы не девица на выданье и уж точно не ее благообразная мамаша. Ибо что может быть важнее в жизни девушки, чем удачный брак? В нашей провинции искренне полагали — ничего. Подозреваю, что с подобным утверждением согласились бы во всей Ландрии, как впрочем, и во всем мире, но именно здесь, у нас, удачное замужество обросло флером священнодействия, окуталось блеском надежды, которую дарует лишь уверенность в неодолимой силе любви и в целом стало чем-то вроде городских легенд.

И тому способствовало немало причин.

К примеру — не верите в любовь с первого взгляда? Напрасно. Совершенно напрасно, вот помнится в 1769 году юный ненаследный принц Ландрии, проезжая по городу, увидел прелестную цветочницу шестнадцати лет, чей папенька чаще возлежал на мостовой в состоянии блаженного опьянения, нежели заботился о благе семьи, а матушка была вынуждена самолично копаться в земле на заднем дворе покосившегося дома, взращивая цветы, продаваемые в последствие единственной дочерью. И что вы думаете — полюбил с первого взгляда. Городские кумушки поговаривают, что поразило его будто молнией и женился, как есть женился уже на следующий день, а после увез цветочницу в свой замок, где холил и лелеял до самой смерти и умерли они в один день.

Или может, думаете, что для любви существуют преграды? Это вы зря. Вот помнится в году 1784 герцог Меруанский, запертый суровым руководителем академии во избежание позорного союза отпрыска благородного семейства с пастушкой, преодолел все запоры и преграды. И что бы вы думали — сбегал. Как есть сбегал. Нашел свою пастушку, женился на ней в тот же день, увез в свой замок, а после холил и лелеял до самой смерти и умерли они в один день.

А может статья верите, что любви покорны лишь юные да горячие

сердцем? В году так 1796 преклонных уж лет новый руководитель военной академии прибыл в наш городок, узрел он пышных форм вдову Лагерфельд и... женился на ней в тот же день, а после увез в свой замок, где холил и лелеял до самой смерти и умерли они в один день.

Говоря откровенно, я была искренне рада за тех, кому удалось познать столь сильную любовь, что соединила пары разделенные статусом, состоянием, воспитанием и даже образованием. Но, боже мой, мне поистине уже поднадоело выслушивать одни и те же сказочные истории любви на каждом заседании швейно-приходского кружка!

Впрочем сегодня, прозвучало нечто новенькое.

— А еще, — старательно вышивая «Боже храни короля», сказала миссис Уивер, — ходят слухи, что в нашу академию приезжает неженатый новый...

— Преподаватель? — живо поинтересовалась мисс Томпсон, маленькая пышная как сдобная булочка, румяная, с носиком покрытым веснушками, девушка на выданье.

И все дамы тут же оживились, слегка утомленные как нуднейшим вышиванием, так и городскими сплетнями, в которых за два истекших часа обсуждения, не вскрылось ни одной истории трагической или же роковой любви, от чего и были пересказаны три вышеизложенные. Скучно живем, да. А новый неженатый преподаватель в академии это уже событие. Согласитесь — сильный, тренированный, свободный благородный мужчина с весьма существенным достатком, а мало в военной академии учителям не платили, это всегда событие.

Но миссис Уивер развеяла наши надежды, словами:

— Нет, не преподаватель.

Дамы пригорюнились.

— Новый... — продолжила было миссис Уивер.

После как профессиональный лицедей допустила драматическую паузу, оглядела нас водянисто-голубыми глазами, столь светлыми, что отдаленно напоминали рыбы, и заговорщицким шепотом выдала:

— Неженатый новый герцог!

— Оооо.... — разом выдали все присутствующие, словно у нас когда-то вообще старые герцоги водились.

Будем откровенны — ранее в Уэстенс вообще герцоги не заглядывали, так что пассаж про «новый» был явно излишен, но кого это волнует? Точно не дам. А на воскресных заседаниях в храме собиралось всегда не менее пятидесяти леди, представлявших собой цвет нашего города, и неизменно берущих с собой всех имеющихся дочерей брачного возраста в надежде,

что пребывая в столь почтенном и умудренном опытом обществе, и юные прелестницы обретут столь необходимые молодежи опыт и ум.

— Целый герцог, — мечтательно закатив глазки, прошептала девица Брунир, чья цветущая пора основательно катилась к горизонту.

— Да-да, — миссис Уивер наслаждалась всеобщим вниманием к своей персоне. — Супруга лорда Ангеса шепнула сестре нашего пастыря, а та, вы знаете, обо всем мне рассказывает!

Сказано было с некоторой гордостью, да что там с некоторой — с основательной. Присутствующие закивали, готовые восторженно внимать и далее любому слову миссис Уивер.

— Так вот в академии случилось что-то... хм... что-то недопустимое...

О, а это уже было интересно.

— И герцог Аверан прибыл расследовать случившееся. И он неженат! И как гость лорда Ангеса несомненно будет присутствовать на балу в честь цветения персиков!

Я едва заметно скривилась, старательно вышивая золотого ангела на белоснежной ленте. К слову практически все мы сегодня готовили ленты и плакаты для декорирования этого самого Персикового бала. Именно этого события каждый житель Уэстенса ждал с нетерпением весь год. Дети потому что супруга ректора военной академии, а бал проводила именно она, обязательно организовывала в субботнее утро на кануне бала раздачу сладостей, печь которые мы все будем в четверг, и игрушек, которые все почтенные дамы города шили в течение года. Мужчины любили бал за то, что ректор Агнес выкатывал несколько бочек вина, привезенного из самой столицы, а для наиболее почтенных жителей городка привозилось и вовсе виски. Женщины просто любили праздники, а вот девушки... девушки, затаив дыхание, готовили лучшие наряды, ведь что на ту часть бала, где были собственно танцы, допускались выпускники военной академии.

К слову именно после Персикового бала чаще всего следовали головокружительные романы, стремительные помолвки и как следствие мечта всех девушек — выгодные браки. Не скрою, я лет с тринадцати мечтала о том, что однажды на балу, танцуя среди цветущих персиков я повстречаю Его! Он будет красив, с военной выправкой, в мундире выпускника и несомненно благороден. Мы полюбим друг друга с первого взгляда и он увезет меня в свой замок и будет холить и лелеять до самой смерти, и умрем мы в один день.

Но не сложилось.

Увы, будучи от природы наделена наблюдательностью, я еще в

четырнадцать, времени, когда на бал допущена была, а на танцы нет, узрела как все это выглядит со стороны. И обратила внимание не на широкие плечи и военную выправку выпускников военной академии, а на насмешливо искривленные губы, презрительные взгляды, а так же реплики и смешки, коими лорды обменивались друг с другом. А после, пользуясь тем, что на ребенка обращали внимания не больше, чем на предметы мебелировки, мне удалось услышать некоторые их разговоры и я поняла очевидное — благородные господа в нашем городке попросту развлекались. Им доставляло удовольствие вскружить голову провинциальным девицам, урвать поцелуй, а порой и кое-что более существенное, а после, получив диплом и назначения, упорхнуть в столицу, где их ждали утонченные и изысканные столичные красавицы, о которых лорды изволили грезить. И их совершенно не интересовала дальнейшая судьба провинциальных простушек, которым оставались слезы, воспоминания, а порой и уничтоженная репутация.

Разочарование было сильнейшим. Просто убийственным. Для меня, девушки выросшей на сказках о любви, пребывающей в святой уверенности, что истинная любовь преодолет все, любые социальные преграды, что для любви в целом нет статусов и рангов — столкновение с реальностью оказалось неимоверно болезненным.

Помнится по возвращению домой, я дала себе клятву никогда, воистину НИКОГДА не влюбляться в лордов и военных, и уж тем более в лордов избравших военную карьеру.

Это была клятва, которую я сделала своим жизненным кредо, и с тех пор кадеты военной академии, как впрочем, и офицеры, стали для меня лишь предметом насмешек, отвлеченного наблюдения и колких шуток. Не более.

От того в шестнадцать, на своем первом Персиковом балу, я с самой милой улыбкой отказывала в танце абсолютно всем студентам военной академии, искренне наслаждаясь незабываемыми выражениями удивления, недоумения и некоторой досады, появлявшимися на аристократических лицах, зато веселилась, смеялась и танцевала до упаду с молодыми людьми из родного Уэстенса.

Это был незабываемый праздник, на утро после которого гостиная батюшки была сплошь уставлена корзинками с цветами — благородные лорды не оценили настоящего подарка судьбы, то есть девицы, которая не бросалась им на шею, и решили изменить ситуацию, предприняв попытку завоевать меня путем долгих ухаживаний, раз уж не получилось с наскока. Видимо я как-то нарушила их картину мира.

Уже к вечеру того же дня под окнами нашего дома от чего-то начали проезжать молодые военные на лошадях, или же прогуливаться, ведя оных под уздцы. А я стала предметом обсуждения едва ли не в каждой гостиной города, и в то же время объектом восхищения со стороны всех городских юношей и молодых людей, коим, несомненно, было обидно ощущать себя людьми второго сорта в сравнении с военными.

И возможно разгорелось бы немало сражений за мое внимание и сердце, но все решил папенька, сговорившись со своим деловым партнером о том, что неплохо было бы породниться. Господин Томас был рад озвученному предложению, тем более что с его старшим сыном Густавом мы были дружны с детства. Тогда же, в мои шестнадцать, была заключена помолвка. Все сочли что мы прекрасная пара и великолепно смотримся вместе — изящная кареглазая с вьющимися каштановыми локонами я и высокий, массивный широкоплечий с волосами цвета спелой пшеницы и пронзительно синими глазами Густав и правда неплохо выглядели вместе. Мне лично нравилось, что он добрый, внимательный и веселый, мой жених ценил во мне тонкие пальчики, приметную талию и начитанность, так что в общем и целом мы были счастливы и планировали пожениться уже в этом году летом, мне исполнилось девятнадцать, ему двадцать три — самый возраст для брака.

Свадьба была назначена на лето, а пока я откровенно скучала — сейчас Густав и мой папенька находились в плавании, их возвращение ожидалось в первый месяц лета, и увы, мне как официально находящейся в статусе невесты не полагалось даже гулять в городском парке без своего нареченного. Так что да, мне было скучно, причем скучно настолько, что я с маменькой начала посещать швейное общество при нашем городском храме. Не спорю, что проводить время с книгой было куда интереснее, но мне все же хотелось хоть куда-то выходить из дому. Сестры мои Нарин и Тунния жили куда как интереснее — с утра конные прогулки по городскому парку, вечером многочисленные приемы, балы, званые ужины и прочее. Я же была вынуждена сидеть дома до самой свадьбы. Исключение составлял лишь Персиковый бал. И к означенному событию у меня был готов бело-абрикосовый наряд, маменька считала, что этот цвет идеально сочетается с цветом моих волос, а весь мой агенд был заполнен еще месяц назад друзьями Густава, которые презрев светское требование «Не более трех танцев может быть расписано до бала» выпросили у меня танцевальную книжку, и внесли все свои имена. Друзей у Густава имелось много, со всеми я была знакома, так что меня ожидало более чем замечательное развлечение. А теперь, когда стало известно, что в академию прибыл целый

неженатый герцог, Персиковый бал станет еще веселее — все же наблюдение за тем как все незамужние дамы нашего городка начнут охоту, это неописуемо.

— Говорят, он красив как бог! — миссис Уивер закатила глаза, прижав к груди вышивание.

Сей жест должен был выражать ее безмерное восхищение, я же лишь едва заметно усмехнулась — по мне так мужскую красоту весьма переоценивают. А уж красивый герцог и вовсе существовать в принципе не может, в этом я была более чем уверена.

Тем досаднее оказалось ошибиться.

Персиковый бал как раз перешел в свою самую традиционную стадию, то есть конкретно бал. Запели трубы, зазвенели струнные, вступили духовые, держащиеся темной стаей ученики военной академии в черных мундирах, слаженно шагнули к дамам, группировавшимся перепуганными стайками, начались взаимные поклоны и обмен полагающимися фразами, когда вдруг весь этот фарс на миг замер. Я, как и все присутствующие начала вытягивать шею, в стремлении разглядеть появившегося в дверях мужчину, к которому столь поспешно бросился хозяин вечера лорд Ангес, что всем сразу стало ясно — это и есть тот самый неженатый герцог.

И едва не ахнула, сдержавшись исключительно из-за того, что рядом слаженно ахнули мои сестрички, вторя практически всем присутствующим здесь дамам. Вздохнув, я заставила себя опустить взгляд, перевела дух, и посмотрела на высокопоставленного лорда уже гораздо более критичным взглядом, впрочем, должна признать, даже это ничуть не испортило его образ.

Герцог оказался высок, строен, широкоплеч, по-военному подтянут, с короткой стрижкой темных, практически черных волос, гладко выбритым подбородком, аристократически-высокомерным лицом, и внимательными пронзительно синими глазами. И эти глаза внимательно оглядели всех присутствующих, вынуждая мужчин склонять головы в знак почтения, а дам смущенно-кокетливо потупить взор. Я была столь возмущена всеобщим выражением покорности его светлости, что не опустила взгляд, даже заметив, что герцог Аверан смотрит на меня. Прямо в мои глаза, вероятно превосходно заметив, как сильно я возмущена.

Мы смотрели друг на друга несколько долгих секунд, после чего я весьма нагло, что непозволительно для юной леди, как впрочем и для любой леди, улыбнулась его светлости, демонстрируя что совершенно не собираюсь преклоняться перед его величием. Было бы перед кем.

От зрительной дуэли меня отвлек Винсент, весело сообщивший, что

сейчас дама Сунес упадет в обморок. Она столь виртуозно проделывала это, что даже мы, видевшие этот фокус раз двадцать, не меньше, всегда гадали притворяется или же нет?

Но герцог даже гадать не стал.

Проследив за моим взглядом (он, в отличие от меня, явно желал продлить дуэль до полного моего поражения), заметил подобравшуюся к нему даму, и вместо того, чтобы повести себя как джентльмен и подхватить последнюю, мрачно сообщил:

— Лучшее средство от обморока — разрезать шнуровку на платье. Мне достать кинжал?

Мисс Сунес мгновенно передумала терять сознание, извлекла из сумочки веер и принялась старательно обмахиваться. Все предпочли сделать вид, что ничего не заметили, герцог от чего-то вновь посмотрел на меня, я же проигнорировала его взгляд, потому что сегодня я собиралась наслаждаться балом и только наслаждаться балом.

Повторно объявили танцы.

Полонез я протанцевала с Винсентом, он постоянно норовил наступить мне на ногу, я ловко уворачивалась, весело считая его промахи. Танец закончился на цифре двадцать четыре, после чего мы со смехом обсуждали, насколько плачевным было бы состояние моей ноги, достанься ей все двадцать четыре наступления. К обсуждению присоединились Губерт и Том, последний, опустившись на колени, принялся внимательно разглядывать мою туфельку и считать бусинки на оной. Не досчитал — Губерт увлек меня в следующий танец.

Гавот один из самых забавных танцев на балу — легкие па, грациозные повороты, прыжки и касания пальцами. Нет, для тех, у кого «трепещет сердце от каждого прикосновения» гавот оборачивался чередой неловкостей, иной раз падений, и лавиной смущения, но мы с Губертом, будучи знакомы с раннего детства, в силу того что наши нянюшки были закадычными подругами, веселились от всего сердца, пародируя друг друга, стараясь подпрыгивать как можно выше, и смеясь уже в голос, от чего несколько раз мы едва не сбили других танцоров.

А вот с полькой произошел казус — танцевать я должна была с Томом, он подвел меня к строю девиц, сам же отправился вставать в строй мужчин, чтобы затем, как и полагается вступить в танец, но тут случилось странное — кадеты военной академии, а их в строю готовящихся танцевать было значительное большинство, самым наглым образом, сдвинули Тома так, что теперь моим партнером должен был стать высокий плечистый аристократ с темно-русыми волосами, собранными в щегольской хвост. Я изумленно

выгнула бровь, будущий офицер нагло усмехнулся, видимо считая, что от его надменного самодовольства мое сердце дрогнет.

Заиграла музыка, совершая па и прыжки, девушки двинулись к строю кавалеров, и мне ничего не оставалось, как двинуться тоже, но затем, когда настала очередь девиц подходить и совершать реверанс перед партнером, я, пританцовывая под музыку как деревенская пастушка на гуляниях, с веселым «Прошу прощения!» обошла наглеца по дуге и остановилась напротив побледневшего и явно нервничающего Тома, со словами, которые не постеснялась произнести довольно громко:

— У него такой размер ноги, что танцевать с ним опасно для жизни, ты не находишь?

Грянул хохот. Да, учащиеся военной академии, даром, что пять лет этикет изучали, оказались все же крайне невоспитанными. Но смех вскоре утих, так как все мы увлекались мелодией.

Зато в следующем танце мне досталось — кадрили предполагает многоразовую смену партнеров, и к моему искреннему сожалению все они, кроме Олта, с которым я вышла танцевать, были военными. Мне пришлось раскланиваться с тем самым русоволосым наглецом, который попытался навязать мне совместный танец, улыбаться всем тем, кому я отказывала в прошлом году, соприкасаться пальцами с теми, кто старательно пытался всучить мне записку с излиянием собственных чувств. Особенно настойчив был лорд Эруа, третий год добивающийся моего внимания исключительно из чувства природной упертости.

— Мисс Хемптон, — он сжал мои пальцы, не позволяя высвободить руку, — вы должны дать мне шанс объясниться!

Начался второй этап кадрили, господа, обнимая партнерш за талию, увлекали их по кругу, и я, не сумев высвободиться, так же была увлечена лордом Эруа, позади осталась его растерянная партнерша и мой насупившийся друг, впрочем зная Олта уверена — он перехватит меня на втором заходе.

— Элизабет! — объятия лорда Эруа внезапно стали непристойно-крепкими. — Вы должны выслушать меня!

— Лорд Эруа, будем откровенны — я вам ничего не должна! — воскликнула я, пытаюсь высвободиться.

— Я изнываю от любовного томления третий год, мисс Хемптон! — патетично заявил он, видимо совершенно не смущаясь того, что внимание присутствующих уже приковано к нам, да и ведет он себя крайне далеко от правил приличия.

— Лорд Эруа, кто я такая, чтобы мешать вам упиваться собственными

страданиями? — поинтересовалась, все так же отчаянно пытаясь увеличить дистанцию между нами.

Но лейтенант продолжал кружить меня по залу, одновременно требуя ответа на его чувства.

— Я написал вам сонет, вы читали?

— Не имела несчастья!

— Я посылал вам цветы!

— У меня трое сестер, лорд Эруа, поверьте нам присылают столько цветов, что мы давно даже не разбираем кому и какие.

— Я пел под вашими окнами!

— Боюсь, вы ошиблись, мои окна выходят на сад, расположенный позади дома, попасть туда вы не могли ни коим образом. А если бы и попали, боюсь вместо серенад, сад был бы оглашен вашим испуганным «Спасите», так как папенька на ночь выпускает собак.

— Так кому же я тогда пел?

— Вопрос не ко мне.

— Элизабет, вы жестоки!

— Лорд Эруа, вы невоспитанны!

— Прошу прощения, мисс Хемптон, но я страдаю.

— Искренне вам сочувствую и отказываюсь мешать в этом сложном деле, — завершила я.

После чего, вырвавшись, наконец, отступила, присела в реверансе, а поднявшись поспешила прочь, разыскивать своих кавалеров, по меньшей мере Олта, который так и не перехватил меня, что несколько не вязалось с его характером.

И к своему искреннему удивлению никого не обнаружила. Девять друзей Густава куда-то самым магическим образом испарились. Я отыскала маменьку, и та улыбнулась мне, стоящие рядом с ней мои тетушки напротив одарили хмурыми и неодобрительными взглядами, впрочем они в целом никогда меня не одобряли, а помолвку с Густавом считали не романтической и потому совершенно ужасной. К слову мои сестры считали так же, а потому с некоторых пор на людях старательно игнорировали мое существование. Как и сейчас — окруженные кавалерами, они демонстративно отвернулись.

Я лишь улыбнулась этой попытке нарочитого дистанцирования, и отправилась искать парней.

В бальном зале гремел вальс, некоторые пары в возрасте танцевали среди деревьев, повсюду слышался смех, голоса, тосты и звон бокалов, на ветвях реяли расшитые приходским клубом плакаты, банты и флаги, на

поляне перед цветущими персиками играли в фанты, и мисс Дамерн доставала какой-то фант из фуражки одного из присутствующих офицеров.

Я же все дальше углублялась в сад, надеясь, что в этом году кадеты не повторят свою поднадоевшую всем шутку с запираанием парней в сарае за оградой. Нет, наши городские, конечно, сумеют выбраться, но после придется же чистить костюмы от остатков соломы, пыли и прочего.

Мое худшее предположение подтвердилось, стоило мне свернуть в самую нелюдимую, дикую часть парка. Здесь росло несколько елей, массивный старый дуб, пугали переплетением ветвей и колючками дикие кустарники. И именно здесь я обнаружила нет, не своих кавалеров, а того самого кадета военной академии, чей размер ноги имела неосторожность высмеять сегодня. Высокий молодой человек ожидал явно меня в окружении пяти своих сотоварищей, держа в руке уже знакомый практически всем ключ от сарая и бутоньерку с камзола Тома.

Мне, изумленно застывшей на границе поляны, недвусмысленно продемонстрировали деталь бального костюма, после чего лорд произнес:

— И кто это к нам пожаловал?!

— Приведение, — ответила я на его вопрос.

Моргнув, этот индивид уставился на меня светло-голубыми глазами, и поинтересовался:

— Почему это приведение?

— Потому что я вам привиделась, — ответила совершенно ровным голосом, после чего развернувшись, попыталась уйти.

Но мне не дали — совершенно недопустимым образом, обнаглевший кадет, ухватил меня за запястье, крутанул, разворачивая, и рывком прижал мою руку к своей груди, едва не вынудив меня врезаться в него. Я устояла, бог ведает как, и скорее изумленно, нежели испуганно посмотрела на осмелившегося применить насилие по отношению к даме далеко не джентльмена.

— Что вы себе позволяете? — спросила я, скорее удивленно, чем испуганно.

— Я себе позволяю поставить на место одну зарвавшуюся плебейку! — прорычал едва ли не мне в лицо этот наглый самодовольный и напыщенный тщеславный тип.

— Но позвольте, — я невольно улыбнулась, — о каком месте идет речь? Месте дамы, невесты, дочери моих родителей или жительницы города? Нет, я понимаю, что мое место очень даже привлекательно, и если вы желаете, я, несомненно, готова обменяться с вами, но боюсь перед вами встанут две непреодолимые проблемы — при всем моем желании вы не

вместитесь в мое свадебное платье, и полагаю, Густав будет против подобной невесты — помилуйте, вы выше его ростом, вы никоим образом не станете с ним прекрасной парой.

Удерживающий меня мужчина побледнел, глаза его сузились от ярости, в то время как среди его друзей послышались сдержанные смешки.

— А вы остры на язык, мисс Хемптон! — зло произнес он.

— Обычно восхищение моим умом выражают несколько иными фразами, — я вновь улыбнулась.

— Мисс Хемптон, — военный казалось был взбешен, — боюсь всем станет вовсе не до вашего ума, если я вас скомпрометирую.

Вот тут я перестала улыбаться, и поинтересовалась:

— Интересно, и как вы себе это представляете?

Кадет смерил меня взглядом с головы до ног, демонстрируя что он себе очень даже это представляет, после чего, приблизив свое лицо к моему, произнес:

— Я объясню. Обратите внимание, мисс Хемптон, вы здесь совершенно одна, в полном моем распоряжении. Соответственно я могу сделать с вами все, что мне пожелается, а желаю, я поверьте, многого. И после этого, вы будете опозорены, Элизабет.

Судя по выражению его лица, он был искренне убежден, что я теперь должна лишиться чувств от испуга.

— Но, — продолжил наглец, — есть иной вариант развития событий. Сейчас вы дарите мне поцелуй, а после все танцы на сегодняшнем балу, в этом случае я буду вести себя с вами как джентельмен, мисс Хемптон.

С невероятным трудом мне удалось сдержать смех, а после я произнесла:

— Послушайте, любезный, позвольте я вам сейчас кое-что объясню, — от моего тона он несколько опешил и отодвинулся, — Уэстекс дружный семейный городок, в котором следят за детьми практически любого возраста, соответственно более ста человек превосходно видели куда я направилась, и даже, полагаю, в курсе кого я ищу. Одного моего вскрика достаточно, чтобы сюда примчалось как минимум десять отцов почтенных семейств, которые считают своим долгом заботиться о чести и достоинстве дочери их друга. А после вас ждет масса неприятностей, от исключения из академии, до суда, к слову судья Олтанридж давний друг моего отца. Поверьте, вы попадете в тюрьму гораздо быстрее, чем ваши влиятельные родственники успеют вмешаться, а в тюрьме, должна заметить, не все камеры одиночные... И да — среди тюремных служащих так же есть жители Уэстекса, соответственно ваш шанс попасть в не слишком

приятную компанию существенно увеличивается.

Кадет после завершения моей речи усмехнулся, хотел было что-то ответить, но вдруг отпрянул, отпустив меня и стремительно бледнея.

— О, я вижу вы прониклись, — все так же мило улыбаясь, заметила я, — рада, что не ошиблась в вас и вашей сообразительности.

И тут позади меня прозвучало ледяное:

— Боюсь, ваша радость преждевременна, и да — вы ошиблись.

Мгновенно стало ясно, что наглый кадет испугался вовсе не моих слов, что несколько задело, но в следующий момент я отчетливо осознала — кто-то последовал за мной и вмешался, чтобы меня спасти. Кто?! Голос был достаточно молодым, да и подобным тоном не говорил никто из тех почтенных отцов семейства, что я упомянула. И в то же время никто из моих знакомых городских парней тем более не был способен говорить таким тоном. Мелькнувшая догадка заставила сердце сжаться, а затем забиться втрое быстрее.

Почему-то пришла странная убежденность, что позади меня стоит тот самый герцог, более ни с кем я не могла бы связать столь глубокий проникновенный голос и ледяной, с налетом высокомерия тон. И первым порывом было желание сбежать не оглядываясь, но я была воспитанной девушкой, а потому, мысленно заготовив несколько полагающихся случаю фраз с благодарностью за спасение, я медленно повернулась к своему спасителю.

И уткнулась носом в блестящую пуговицу на черном мундире.

Не ожидала, что всеми обсуждаемый герцог окажется так близко. Недопустимо близко... волнительно близко... Мое сердце забилося столь быстро, что мне казалось — он услышит. Непонятное волнение охватило вдруг, ноги ослабли, я едва устояла, сердце билось все неистовее. Что со мной?

Отступив на шаг, я запрокинула голову, глядя на самого красивого мужчину из всех, что мне доводилось видеть и уже собиралась поблагодарить лорда, как тот, окинув меня презрительным взглядом, насмешливо произнес:

— Вынужден сообщить, что вся ваша пафосная речь была совершенно бессмысленна, и поразила как меня, так и присутствующих поистине вздорной глупостью. — Он усмехнулся и добавил:- Но можете утешать себя тем, что я вас спас.

Я была столь потрясена и его поведением, и отповедью, и надменной насмешкой, что вместо заготовленной фразы с благодарностью, не менее язвительно чем он, воскликнула:

— О, да вы просто мой герой!

Герцог вопросительно изогнул бровь, я же выпалила:

— Вынуждена сообщить, что ваше пафосное появление было совершенно бессмысленным, и поразило как меня так и присутствующих поистине апофеозом тщеславного самолюбования!

На поляну словно опустилась мертвенная тишина.

А быть может, это лишь я ничего не слышала, с яростью глядя на того, кто оказался еще большим самодовольным мерзавцем, чем все прочие напыщенные выпускники военной академии. И этот высокопоставленный тип, чье лицо словно окаменело после моих слов, сверкали ныне лишь глубоко посаженные глаза, медленно, чуть растягивая слова, осведомился:

— Что вы сейчас сказали, мисс?

— То, что вы превосходно расслышали! — отчеканила я.

Его глаза полыхнули яростью, но внешне его светлость казалось был совершенно спокоен.

— Ваше право выражать свое мнение так, как вы считаете нужным, — холодно произнес герцог. — Ступайте, мисс, и более не гуляйте в одиночестве по заброшенным паркам. К слову, я не заметил ни единого из упомянутых вами и жаждущих спасти вас отцов почтенных семейств. Ступайте.

И он отошел, давая мне возможность покинуть нелिцеприятное собрание, что я и поспешила сделать.

Но стоило выйти из-за кустов, как до меня дошло, насколько грубо я себя повела. Как бы то ни было, его светлость действительно явился, чтобы меня спасти, что, несомненно, являлось весьма благородным поступком. И пусть его слова были крайне обидными, но и я поступила не лучшим образом.

Вздохнув, я развернулась и отправилась назад, намереваясь попросить прощения за свои излишне резкие слова, однако остановилась, услышав:

— Мне стыдно за вас, лорд Кайто.

Сказано было так, что по спине невольно пробежал холод. Но мне было приятно, что кадета отчитывают за меня, и я мысленно похвалила себя, за желание извиниться перед его светлостью.

Меж тем герцог продолжил:

— Как вы могли повести себя подобно деревенскому увальню и скатиться до столь жалкого шантажа?! Лорд Кайто, вы позор вашего рода!

О, я была полностью с этим согласна, хоть и не имела чести быть знакомой с данным родом.

— На будущее, — раздалось далее, — если вы столь сильно желаете

девицу, что теряете самоконтроль, советую прежде подумать головой, и не рисковать карьерой и репутацией.

Да-да, и что еще?

А вот то, что было сказано далее, повергло меня в шок!

— Существует масса способов овладеть девицей без свидетелей, и так, чтобы от стыда она боялась поведать о случившемся не то что отцу и матери, но и священнику во время исповеди. Почему я должен говорить вам о подобном?! Неужели вам не хватает собственных умственных способностей, лорд Кайто?!

Я пошатнулась, а затем осторожно, ступая назад, отошла от кустов и скрываемого ими злополучного места. Я была поражена до глубины души. Циничностью, безжалостностью, подлостью...

Поистине услышанное потрясло меня!

Но вслед за основательным потрясением, пришла не менее основательная злость. И это благородный лорд, фактически приближенный к его величеству?! Это человек, которого я собиралась поблагодарить за спасение?!

Я сделала глубокий вдох, постаралась успокоиться, а затем решила, что этого я так не оставлю.

Именно поэтому, нервно постукивая веером по раскрытой ладони, я вернулась в бальный зал, отмахнулась от друзей Густава, которые оказывается уже выбрались из сарая и искали меня всюду, и напрямик направилась к матушке, стоящей в окружении тетушек, многочисленных дам из нашего швейно-приходского кружка и леди Агнес, супруги ректора военной академии. Я подошла к маменьке с самым задумчивым видом, что мгновенно привлекло ко мне всеобщее внимание, и выдержав паузу, довольно громко поинтересовалась:

— Дорогая маменька, скажите, что же это за способ насильственно овладеть девушкой так, чтобы о случившемся она боялась поведать не только матери и отцу, но даже и священнику на исповеди?!

Мои слова произвели эффект внезапно взорвавшегося фейерверка. Повисла потрясенная тишина, внимание всех дам вокруг теперь было приковано ко мне.

— Элизабет! — в ужасе воскликнула миссис Хемптон: — Что ты такое говоришь? Что это за слова?

— Это не мои слова, матушка, — я всхлипнула, — это произнес герцог, когда отчитывал лорда Кайто за то, что тот пытался шантажом и угрозами заставить меня его поцеловать. Это было ужасно.

И далее я в красках, эпитетах и эмоциях поведала шокированно

внимающим мне дамам о случившемся.

Разразился скандал.

Леди Агнес ринулась к супругу, выяснять «какого дьявола» он не занимается воспитанием своих учащихся, и с каких это пор в ее доме лорды смеют угрожать невинным девушкам!

Лорд Агнес побагровел, услышав сказанное, и попросил четко и обстоятельно объяснить ему что произошло. Леди Агнес четко и обстоятельно не сумела, она была слишком шокирована случившимся, и помимо этого имея двух дочерей, откровенно испугалась того, что и с ними могли сделать что-то такое, о чем перепуганные девы молчат даже на исповеди и вообще мало ли что! К слову все матроны начали думать о том же, а потому бал немедленно завершился и девиц спешно позабирали по домам, пытать и выслушивать.

И на этом дело не закончилось.

На следующий день за утренним чаепитием мы узнали, что лорд Кайто был исключен из академии с позором, а всем кадетам было запрещено покидать учебное заведение вплоть до нового распоряжения руководства.

Сухим из воды вышел лишь лорд Аверан, именно это имя носил герцог.

Не ведаю, как ему удалось подобное, но несмотря на послание, отправленное лордом Агнес самому его величеству, проверяющий остался, разве что переселился из дома ректора, где по началу был принят как гость, в лучший гостиничный номер города.

Уэстенс гудел словно растревоженный улей. И все бы ничего, но вскрылось несколько историй, когда обещанные девушки действительно молчали, стыдась рассказать о случившемся, и город загудел снова.

Казалось, для военных более ни один дом не распахнет двери, но увы — уже в мае герцог Аверан был приглашен на семейное торжество в дом ректора Агнеса, позже на бал, данный мэром нашего городка, а после вновь стал самой желанной персоной Уэстенса. Уму не постижимо! Но все сочли, что ему чрезвычайно идет быть мерзавцем, а девы и их почтенные матушки вознамерились исправить его светлость, веря в то что вот любовь точно заставит нагулявшегося в молодости Аверана стать достойным человеком.

Я лишь искренне посочувствовала как почтенным матушкам, так и их дочерям — лично мне хватило повторного разочарования в благородных лордах, чтобы запретить себе даже думать о них, и уж тем более о герцоге Аверане. О, я поклялась себе вечно презирать всех лордов королевства, но лорда Аверана особенно!

К счастью, приближалось время моей свадьбы, и вскоре свадебные

хлопоты заняли все мое время и внимание.

Но к моему сожалению именно приготовления к свадьбе и стали причиной нашего повторного столкновения с надменным герцогом.

* * *

Все случилось в яркое воскресное утро, мы с маменькой находились в кондитерской лавке мистера Смира, обсуждая дизайн свадебного торта, когда матушка неожиданно вспомнила, что за всеми сегодняшними делами мы совершенно позабыли зайти в аптеку, а у нее заканчивались сердечные капли. Я, решив, что сбегая за ними, тем более аптека находилась в нескольких зданиях от кондитерской, поднялась и поспешила на дорогу, никак не ожидая крайне неприятной встречи.

Но стоило мне выскочить из аптеки, на ходу повязывая ленты шляпки, как я столкнулась с прохожим. Пробормотав «Прошу прощения», собиралась поспешить далее, но тут мужчина, произнес голосом, который я желала бы вовсе не слышать, или как минимум забыть:

— Мисс Хемптон.

Вздрогнув, я отступила на шаг, запрокинула голову и увидела герцога. Аверан был одет в камзол, а не в мундир как ранее, при виде меня он коснулся шляпы, выражая почтение. Почтение, на которое этот человек был абсолютно не способен!

— Раз видеть вас, — продолжил мужчина, и добавил, — снова.

Несколько потрясенная встречей я, коротко кивнув, попыталась продолжить путь, не желая вовсе с ним беседовать, но вслед мне понеслось:

— А вам не кажется, что вы ведете себя крайне невежливо, мисс Хемптон?! — в голосе герцога отчетливо прозвучал металл.

На нас начали оборачиваться прохожие.

Тяжело вздохнув, я развернулась к ожидавшему продолжения беседы герцогу, присела в реверансе, и глядя исключительно в пол, сухо произнесла:

— Боюсь, невежливость проявили вы, лорд Аверан. Вы не были представлены мне, соответственно крайне невоспитанно с вашей стороны, как-либо обращаться ко мне и тем более настаивать на беседе. Всего доброго, лорд Аверан.

И на этом я поспешила удалиться. И не знаю показалось мне, или нет, но кажется вслед мне понеслось что-то вроде: «Ты дождешься, девочка». Собственно находясь в аптеке и принимая поздравления со скорым возвращением Густава и соответственно свадьбой, я раздумывала над тем, послышалось мне это или не послышалось.

Решила остановиться на том, что послышалось.

И каково же было мое удивление, когда на следующий день, придя с маменькой по приглашению миссис Клифорд, я услышала:

— Миссис Хемптон, мисс Хемптон, позвольте представить вам герцога Аверана.

У миссис Клифорд был большой особняк в центре Уэстенса, и от входа вглубь дома простиралось широкое фойе, всегда казавшееся мне несуразно огромным... Не в этот раз. Глядя на выступившего из полумрака пугающе-спокойного герцога я поймала себя на мысли, что это фойе недопустимо крохотное...

— Леди, — низким хриловато-грубым голосом произнес лорд Аверан, — рад знакомству.

Пришлось раскланяться и заверить, что мы тоже пребываем в неописуемом счастье.

Это было не самое неприятное, хуже всего оказалось то, что миссис Клифорд настояла на нашем присутствии за ужином. И если маменьку эта продажная пожилая леди усадила близ себя в начале стола, то мне досталось место в отдалении, напротив герцога. И вид у нее при этом был заговорщицки-довольный, как впрочем и у супруги мэра, которая так же составляла нам компанию. Из мужчин присутствовал лишь герцог Аверан.

Подали первую перемену блюд. Густую рыбную похлебку, что была принята на побережье всей Ландрии и почиталась как полезное питательное блюдо. Я едва ли притронулась к первому, физически ощущая на себе взгляд Аверана, и не желая даже смотреть в его сторону.

К моему искреннему удивлению, и он не произнес ни слова обращенного ко мне. Вскоре за столом завелась чинная беседа о погоде, рыбном улове, моде при королевском дворце и прочем.

Я поймала себя на том, что была несколько разочарована. Никак не могла понять причин разочарования, старалась всеми силами сохранять спокойствие и держаться равнодушно-отстраненно, и даже мысленно перебрала всех приглашенных на мою свадьбу... все тысяча пятьдесят персон. За этот вечер я сумела вспомнить всех по именам!

Что касается ужина — он прошел все в той же чинно-приличной манере. После мы посидели в гостиной у огня, слушая рассказы его светлости о некоторых общих с миссис Клифорд знакомых, а затем, матушка, не выдержав моих красноречиво-требовательных взглядов, наконец поднялась и сообщила, что нам пора откланяться.

Уходя, я впервые за весь вечер взглянула на Аверана и вздрогнула, поймав на себе задумчивый злой взгляд. Внезапно подумалось, что теперь

мне будет страшно выйти из дома.

А вот в карете, матушка завела странный разговор:

— Элизабет, я потрясена, поражена и изумлена до глубины души, но герцог Аверан невероятно милый, вежливый, воспитанный и внимательный мужчина, ты уверена, что не ослышалась тогда на Персиковом балу?

В этот момент я вдруг совершенно отчетливо поняла, чего добивается Аверан.

И мои худшие опасения подтвердились дальнейшими событиями. Для начала герцог каким-то немыслимым образом спас брошенного кем-то ребенка, и не просто сдал в сиротский приют, а отослал в свое поместье, едва ли не усыновив дитя. Затем посетил несколько светских приемов, где был чрезвычайно мил и обходителен, а в спорах неизменно подчеркивал свое уважительное отношение к женщинам.

В результате май лишь близился к своему завершению, а в Уэстенсе не осталось никого, кто не был бы основательно и бесповоротно очарован герцогом Авераном. Он стал самым желанным гостем на любом мероприятии, он вел себя безупречно и безукоризненно, он являлся самым желанным женихом во всем городе.

Аверан, Аверан, Аверан, Аверан, Аверан...

В любом обществе, в каждом магазинчике или лавочке, в нашем швейно-приходском кружке или же в мужских клубах, где речь лилась неторопливо под виски многолетней выдержки и дым крепких сигар, везде говорили о герцогe. Везде!

И в то же время все чаще, чаще и чаще звучало: «А не ошиблась ли мисс Хемптон?».

И прошло не так много времени, чтобы виртуозно подталкиваемое Уэстенское общество, пришло к выводу: «Элизабет Хемптон оговорила лорда Аверана».

В тот момент, как я первый раз услышала подобное предположение, я расстроилась.

На второй — разозлилась.

К третьему — пришла в бешенство, возненавидев герцога всем своим сердцем.

О, я даже представить себе не могла, что способна на подобную ненависть, но я искренне, всей душой ненавидела Аверана! Я ненавидела его столь неистово, что засыпала думая о нем, и просыпалась с теми же мыслями. И ненависть лишь росла, с каждым очередным сообщением о том, какой же это потрясающий джентльмен.

Утешала меня лишь одна мысль — мерзавец не сможет играть роль все время, рано или поздно он должен оступиться, и вот тогда... уж тогда... тогда точно...

Но в герцоге видимо умер великий лицедей, а потому он не допускал ни ошибок, ни промахов.

Мы все так же неоднократно «совершенно случайно» сталкивались в домах уважаемых патронесс города. Я старательно, но в рамках приличий и допустимого, игнорировала присутствие Аверана, это давалось мне нелегко, он вел себя совершенно безукоризненно, словно в общем и целом не имел ко мне никаких претензий, симпатий, антипатий... в общем и целом ничего. Но неизменно оказывался рядом или же напротив меня.

Это привело к тому, что в начале лета, в июне, месяце в который я с нетерпением ожидала возвращения Густава, по городу поползли слухи...

Как не тривиально, но я узнала об этом последней.

Дело было третьего июня, к нам как раз прибыла Полин с мужем и малышом, в честь приезда нашей старшей сестры Нарин и Тунниа отложили послеобеденные посиделки с подругами и остались дома, я игралась с маленьким Уиллом и обсуждала с Полин мою предстоящую свадьбу, когда разгневанная маменька ворвалась в дом, и даже не поздоровавшись с гостями, набросилась на меня с криком:

— Как ты могла?!

— Не знаю, — ответила я, шокированная ее поведением.

— Ты! — меж тем, разъяренно развязывая ленты чепца, кричала маменька: — Ты ведешь себя недостойно! Ты позоришь семью! Я... я... когда приедет отец, он несомненно возьмется за розги! Распутница!

От подобных обвинений я утратила дар речи. Нарин и Тунниа испуганно смотрели на маменьку, Уилберт не посмел вставить даже слова, и лишь Полин осторожно поинтересовалась:

— Матушка, что случилось?

— Что случилось?! — миссис Хемптон задыхалась от ярости. — Элизабет! Эта наглая распутная девчонка, забыв о совести, чести и достоинстве, увивается за герцогом Авераном!

— Что?! — от моего вопля маленький Уилл испугался и заплакал.

Полин немедленно кликнула гувернантку, а едва та унесла ребенка, холодно произнесла:

— Матушка, я, как впрочем, и вы все, достаточно хорошо знаю Беттилиз, — она назвала меня детским прозвищем, — и менее всего я склонна поверить, что наша правильная девочка, единственная из всех согласившаяся выйти замуж за сына папенькиного партнера, чтобы

сохранить преемственность дела батюшки, могла совершить что-то непристойное.

— А ты поверь, Полин! — матушка едва не сорвалась на фальцет. — В то время как я из сил выбиваюсь, готовясь к свадьбе, она... она...

— А что «она», маменька? — Полин подошла к потрясенной мне, ободряюще коснулась моего плеча. — Разве Беттилиз выходит из дому без вас, маменька?

И тут моя матушка растерялась. Из нее словно разом выпустили весь воздух, чепец она выпустила из рук, подбородок ее задрожал, и если бы не Уилберт, поспешивший подставить кресло, она возможно рухнула бы на пол.

— Как же так? — на матушке лица не было. — Как же я... Она же... Элизабет не покидает дом без меня. Я... и у миссис Кэмрон, и у миссис Гольц... Да, Элизабет и не говорит с ним вовсе, не то чтобы увиваться, забыв о чести и репутации... Да она... Да они...

Я не стала дослушивать невнятное бормотание маменьки далее, и поднявшись покинула гостиную. Мне после подобного никого видеть не хотелось вовсе! И я с ужасом думала о том, что если в подобное поверила моя мать, то, что говорить об остальных жителях города... Внезапно вспомнилось, как шептались за моей спиной сестры Гоин, когда мы с маменькой зашли в галантерею, присмотреть мне перчатки к платью на второй день свадьбы, так как портниха добавила венесского кружева, и теперь прежние смотрелись грубо в сравнении с нарядом. И о том, как миссис Отторн проехала мимо нас в своей повозке, даже не поздоровавшись, маменька тогда подумала, старая женщина попросту не заметила нас, а выходит...

Раздался тихий стук в мою дверь, затем, не дождавшись разрешения, Полин открыла дверь и вошла. Притворила створку за собой, прошла ко мне и скинув туфельки, забралась на постель с ногами и вопросом:

— Расскажешь?

Я в подробностях поведала обо всем случившемся, после чего Полин задумчиво уставилась в окно. Не знаю, сколько мы так просидели прежде, чем она произнесла то, что я и так давно поняла:

— Он мстит.

Промолчав, я ожидала дальнейших слов.

— Весьма расчетливо, крайне виртуозно и на удивление жестоко мстит.

Я была согласна с каждым из произнесенных ею слов.

— Вероятно, кто-то просто подкуплен, с его деньгами и положением

это не составило труда, кто-то пал жертвой его расчетливого обаяния, а кто-то является жертвой зависти... Аверан хорош собой? — сестра посмотрела на меня.

Мне бы безумно хотелось солгать, но:

— Красив, — нехотя была вынуждена признать я.

— Это плохо, — Полин тяжело вздохнула, — красивым мерзавцам прощается многое.

А затем она тихо сказала:

— Будет лучше, если до твоей свадьбы мы с Уиллордом и малышом проживем здесь. Что скажешь?

Улыбнувшись, воскликнула, что буду очень рада.

Полин протянула руку, погладила меня по щеке и направилась к двери.

Но выйти не успела — сворки распахнулись и в мою спальню ворвалась маменька. Она была неестественно бледна, волосы слегка растрепались и торчали прядками из-под чепца, а кулаки оказались сжаты.

— Девочки мои, — глухо произнесла маменька, — это конец.

Дурных новостей на сегодня было предостаточно, но я все равно приготовилась к худшему.

Оказалось, что все было действительно крайне плохо, потому как следующими словами маменьки были:

— Мы приглашены на бал к лорду Вендриджу. Все. Включая Элизабет.

— Маменька, она не может пойти, ты же знаешь, — мягко произнесла Полин.

— Знаю, — маменька казалось сейчас лишится чувств. — Но все эти сплетни, Полин. Разговоры! Не появись она на балу, и это все решат, что Элизабет действительно есть что скрывать!

Мы переглянулись с Полином, и она произнесла:

— Маменька, вся суть в том, что появись Элизабет на балу, и это станет подтверждением того, что ей есть что скрывать. Она не идет. Беттилиз останется дома со мной и поможет мне с малышом.

Вопрос был решен.

Почти неделю он вновь выносился на обсуждение матушкой, у которой вконец расстроились нервы, но мы с Полин были непреклонны. В день бала маменька и сестры покидали нас, бросая на меня говорящие взгляды, но это им не помогло.

По возвращению же, все трое наперебой рассказали о том, как после их появления герцог Аверан покинул бал, сославшись на дела и отсутствие времени на развлечения.

Стало ясно, что этот раунд остался за нами.

Но на следующий день, Полин предложила пойти прогуляться. Так как ее сопровождал супруг Уилберт, в соответствии с правилами этикета, я так же могла присоединиться к прогулке. К тому же мне этого безумно хотелось, учитывая, что вынужденное затворничество откровенно надоело. Именно поэтому поутру, мы с Полин, Уилбертом, маленьким Уилли и его нянюшками отправились в городской парк.

Мы чудесно прогулялись, приветствуя всех знакомых и друзей, Полин с гордостью демонстрировала своего малыша, Уилберт как и полагалось отцу семейства горделиво молчал и едва заметно улыбался, в перерывах же между очередными восхищающимися, с жаром рассказывал мне о своей коллекции оружия прошлого века, и все было замечательно...

Но самым неожиданным образом вдруг в это утро решил прогуляться и герцог Аверан!

Насколько мне было известно, никогда ранее он не появлялся в этом парке вообще! Но сейчас, шел по дорожке по направлению к нам, учтиво раскланиваясь со знакомыми... со всеми, в общем и целом. А после, взглянул на меня, изобразил некоторое удивление, долженствующее означать «О боже, какая встреча!».

Первым моим порывом было свернуть спешно на другую тропинку, но увы Аверан выбрал такую, с которой до встречи с ним свернуть не было никакой возможности, а потому, пришлось, вежливо улыбаясь, шагать навстречу неприятелю.

— Мисс Хемптон, — приблизившись на полагающееся расстояние, произнес его светлость.

Увы, теперь мы были представлены друг другу, и потому я была вынуждена ответить:

— Герцог Аверан, — склонилась в реверансе.

А далее мне пришлось произнести:

— Полин, Уилберт, позвольте представить вам герцога Аверана. Герцог Аверан, позвольте представить вам мистера Америш, миссис Америш, и маленького Уилла.

Далее произошли обоюдные раскланивания.

Больше всего злило то, что из всего многообразия знакомых, герцог Аверан подошел исключительно к нам! А ведь мог бы столь же учтиво поздоровавшись, миновать как и всех остальных и шагать себе дальше по своим делам, но нет! Более того — его светлость соизволил к нам присоединиться, и дальнейшую прогулку между ним и Уилбертом протекала живейшая беседа — оба являлись ценителями древнего оружия, Аверан же еще и оказался обладателем экземпляров, увидеть которые

страстно мечтал Уилберт.

А мне досталось от Полин:

— Беттилиз, он великолепен! — восторженно прошептала сестра, едва мы удалились от мужчин на расстояние, при котором они не могли нас слышать. — Стать, разворот плеч, выправка, стройные бедра — горделивый хищник безразлично шествует меж убогого домашнего скота.

— Это ты сейчас себя причислила к убогому домашнему скоту? — поинтересовалась я.

— Не придирайся к словам, Аверан действительно прекрасен. Ты посмотри, как он двигается, как ходит, с каким... О, какой мужчина!

А далее случилось ужасное!

Мы вышли к той части парка, которая соседствовала с проезжей частью. Впереди няня везла маленького Уилла в коляске, позади на шаг шли мы с Полин, и еще на два шага от нас отставали Уилберт с Авераном. И вдруг на дороге раздался скрежет тормозов, затем испуганное ржание лошади, а затем лошадь понесла на нас!

Я застыла, как в кошмарном сне глядя на обезумевшее животное, в дополнение тянувшее за собой повозку, Полин закричала, но в то же мгновение ее схватил Уилберт и буквально отшвырнул в сторону. До сына он не успевал добраться...

И тут мимо меня хищно метнулась стремительная тень.

В следующую секунду с пути понесшей лошади отлетела няня Уилберта, затем коляска, самого заоравшего малыша одной рукой ухватил герцог Аверан, а вот второй мужчина схватил за уздцы потерявшее разум животное.

Миг жуткого противостояния словно врезался мне в память — мужчина, напряженный, но непоколебимый будто скала в бушующем океане, гляди прямо в глаза обезумевшей лошади, с губ которой лохмами слетает пена, и негромкое, но отчетливо услышанное всеми:

— Тихо.

Он произнес всего одно слово, но затих и маленький Уилл, переставший вырываться из захвата Аверана, и лошадь теперь лишь испуганно косила взглядом, но даже копытами перебирать перестала. А я внезапно поняла, что герцог только что спас не только Уилла и его няню, а еще по меньшей мере с десятков детей, потому как парк в это время был переполнен гуляющими мамашками с колясками, и по траектории движения лошади их было более чем предостаточно...

— О боже, — только и выдохнула я, восторженно глядя на того, кто без малейших колебаний рискнул собой ради спасения других. Кто спас

малыша Уилла.

И удостоилась насмешливого взгляда Аверана.

Мое восхищение схлынуло в тот же миг, но вот все остальные... Это был поистине триумф герцога. Началось с того, что Полин, обогнав прихрамывающую нянюшку бросилась к герцогу практически на шею, со слезами благодаря его, после бережно забрала малыша, и едва не сползла на траву, но была поддержана сначала сильной герцогской рукой, а после подоспевшим супругом. Вторым, кто благодарил герцога причем даже на коленях, был возница, не справившийся с управлением, тот и шапку заламывал и рыдал. Он тоже был поднят сильной герцогской рукой, после чего сам герцог поспешил покинуть восторженное его поступком собрание, чем сильно удивил меня. Мне казалось, такой человек должен поистине наслаждаться моментом своего триумфа, но нет — Аверан явно чувствовал себя не лучшим образом, в окружении искренне благодарящих его людей, и вероятно он даже покинул бы нас, но тут Уиллберт нанес мне удар, произнеся:

— Лорд Аверан, не согласитесь ли вы позавтракать с нами?

Герцог уже уходил, но после этого развернулся и вернулся к нам. Будь оно все трижды проклято!

Домой мы возвращались преотвратным образом — впереди нянюшка прихрамывая толкала покореженную коляску, затем Полин и Уилберт, причем Уилберт нес сына на руках, а Полин, повиснув у него на руке, не отрывалась от малыша. Я не могла ее осуждать за это, она сейчас врядли была способна думать хоть о чем-то, кроме чудесным образом спасенного малыша. Но вся проблема в том, что позади них, шли мы с герцогом Авераном.

Я, демонстративно заложив руки за спину, тем самым выражая совершеннейший отказ воспользоваться его любезно предложенным для опоры локтем, и его светлость, поигрывая тростью. Ни я ни он не стремились к общению, а потому после обмена несколькими фразами на тему того, как же герцог был великолепен во время спасения моего племянника, мы шествовали далее совершенно молча. Я смотрела на пейзаж, куда смотрела его светлость мне было совершенно не интересно.

Когда мы подошли к дому, Полин вспомнила о существовании спасителя, развернулась, ухватила герцога под локоток и ввела его в дом. За ними последовал Уилберт с малышом, после нянюшка... мне абсолютно не хотелось заходить. Внезапно поймала себя на мысли, что предпочла бы погулять еще и желательно в одиночестве. Но выхода не было, и, смирившись с собственной участью, я перешагнула порог отчего дома.

— Элизабет! — поприветствовала меня возгласом маменька. — Это ужасно, ты не находишь?

— Полностью с вами согласна, матушка, — развязывая ленты утренней шляпки, ответила я.

И тут герцог Аверан подал голос:

— Мы говорили о том, что отсутствие ограждения между парком и проезжей частью опасно, — произнес он ледяным тоном.

— Ах, вы об этом? — притворно изумилась я.

— А ты о чем? — спросила Полин.

Я невольно взглянула на герцога, герцог пристально смотрел на меня. Нет, все было пристойно и в рамках приличия, но мне казалось... вот правда казалось, что в этом взгляде был вызов. Что-то вроде «Посмеешь развить данную тему или нет?».

Естественно ответ — нет.

— Я... устала, — опустив глаза, солгала всем присутствующим, — надеюсь, вы меня извините.

И так же ни на кого не глядя, я поспешила в свою спальню.

С этого дня герцог Аверан стал частым, практически постоянным гостем в нашем доме!

Он поистине сдружился с Уилбертом, они несколько раз вместе ездили на охоту, малыш Уилли кидался к нему навстречу с радостным визгом, маменька млела, Полин боготворила, Нарин и Тунния старательно пытались привлечь внимание, я отмалчивалась, вынужденная раз за разом пропускать семейные трапезы, потому как в присутствии его светлости аппетит пропадал напрочь.

А более всего невероятно раздражало то, что ни разу, ни единым словом или жестом Аверан не продемонстрировал, истинные мотивы собственного поведения. Он был учтив, вежлив, уделял мне столько же внимания, сколько Нарин и Туннии, а может даже и меньше, и не стремился оказаться наедине со мной. Казалось ему и вовсе нет до меня никакого дела, и со временем я даже практически поверила.

Увы, это несколько ослабило мою осторожность, иначе бы я не попала в расчетливо расставленную ловушку.

Все произошло в тихий субботний вечер, когда я, вынужденная вести затворнический образ жизни до возвращения Густава, спокойно читала в гостиной недавно купленную мной книгу «Государь», пера известнейшего писателя. Маменька с сестрами отправились за лентами к платьям для моей свадьбы, Полин с супругом сегодня были приглашены к миссис Карстоун. Дом, в последнее время столь шумный и многолюдный опустел, но я не

грустила и откровенно наслаждалась тишиной и книгой.

И несколько увлеклась, потому что когда раздался стук и горничная Атин сообщила:

— Герцог Аверан.

Я привычно ответила:

— Зови.

И лишь после этого с ужасом поняла, что я дома одна! Совершенно одна.

Я вскочила с дивана, намереваясь остановить Атин, но было уже слишком поздно — дверь распахнулась, впуская герцога.

В следующую секунду, я отчетливо поняла, что его светлость превосходно осведомлен о моем временном одиночестве, так как вместо того, чтобы, как того требуют правила приличия, оставить дверь чуть приоткрытой, дабы не находиться наедине с незамужней девушкой, он посмотрел на меня, усмехнулся, а после демонстративно закрыл дверь... И провернул ключ в замке!

Мои глаза округлились от ужаса.

Герцог Аверан, оценив степень моего потрясения, жестом фокусника извлек ключ, и с совершенно наглой ухмылкой разметил его в нагрудном кармане своего мундира.

Мне показалось, что я слышу звон. Отдаленный звон моей разбивающейся на тысячи осколков репутации.

А мужчина, глядя на меня с самой коварной усмешкой, произнес:

— Осознаю ли я, что сейчас делаю? Определенно да. Женюсь ли я на вас после этого? Определенно нет.

Я едва ли могла пошевелиться от ужаса, мои мысли метались. Я была потрясена. Испугана. Унижена. И отчетливо понимала, что меня загнали в ловушку, из которой не было выхода. Никакого! Брак с Густавом... Моя репутация... Мои сестры, чей шанс на удачный брак ныне стремительно катится к нулю...

Что делать?

Широко распахнутыми глазами я смотрела на герцога Аверана, который продолжая стоять у дверей, насмешливо взирал на меня, ожидая истерики, вопросов, просьб и унижения. Вероятно, в данный момент этот дьявольски красивый мужчина полагал, что я поинтересуюсь каким образом он все столь ловко провернул? Напрасно, я была достаточно здравомыслящей особой, чтобы понять — кто-то из нашей прислуги радостно продался, и пересылал герцогу сообщения о моих передвижениях. И возможно сейчас этот кто-то находится по ту сторону

дверей, готовя продолжение этого фарса, где ответчиком выступала я, а истцом уязвленная гордость его светлости.

Внезапно больно кольнуло именно то, что все это являлось фарсом.

Абсолютно все.

И в этом фарсе потешными героями выступала мои родные и я, а герцог Аверан играл, причем виртуозно, осознанно и на поражение. Мое поражение. И сейчас он просто ждал моих действий, любых действий. Он отчетливо осознавал, что загнал меня в ловушку, выйти из которой с не подмоченной репутацией у меня нет возможности.

Моей репутации конец.

Это конец.

Просто конец.

Я в полной мере осознала это, подавила истерику, сотрясающую глухими рыданиями изнутри, и подумала, что выход все же есть. Единственный в данной ситуации.

Еще раз посмотрела на герцога Аверана, и решила, что да — шанс есть. В конце концов, он красив и настойчив, а я родилась в Уэстенсе и была воспитана на сказках о большой и вечной любви, ради которой можно пойти на все.

Так что меня общество поймет, простит и поддержит.

А вот его нет.

И я шагнула к весьма заинтригованной моим поведением его светлости, восторженно глядя на него.

Он проследил за каждым моим жестом, за каждым шагом по направлению к нему, каждый из которых давался мне крайне непросто, за тем как я, приблизившись столь близко, что пуговицы платья коснулись его мундира, вздрогнул, когда я дотронулась ладонью к его гладко выбритой щеке, судорожно вздохнул, стиснул зубы, я же скользнула пальцами по руке, на миг переплела наши пальцы, не отрывая взгляда от стремительно темнеющих глаз герцога, а затем все так же глядя в его глаза, стянула перстень с руки Аверана.

Герцог вопросительно изогнул бровь.

В этот момент слышались голоса, судя по звукам в прихожую вошло не менее двадцати человек, и по некоторым возгласам я узнала членов нашего швейно-приходского кружка, то есть к нам заявили самые почтенные матроны города!

— О, — протянула я, — намерены основательно растоптать мою репутацию?

— Не основательно, — глядя почему-то вовсе не в мои глаза, а

немного пониже, — скорее окончательно. Вы станете падшей женщиной, Элизабет.

И он усмехнулся, взглянув мне в глаза.

— А вы мерзавец, — прошипела я, чувствуя, как накатывает бешенство.

— Сочту за комплимент, — усмехнулся он.

Затем, чуть склонившись, легко поднял меня на руки, и понес от дверей. Видимо рассчитывал, что ее начнут ломать. А быть может искренне надеялся, что я проявлю недовольство возгласом, или еще как-то, но я молчала, с милой улыбкой глядя на подонка, и старательно сжимая в кулачке его кольцо.

Дойдя до камина, Аверан несколько растерянно остановился, после глянул на меня и поинтересовался:

— Какую позу предпочтете для завершения данного фарса?

— Оо, — я была поражена его «благородством», мне предоставили выбор... — Пожалуй меня устроит следующая композиция — я в слезах и заломив руки, вы на коленях у моих ног, как вам?

— Слишком пафосно, — ответил герцог, опуская меня.

В этот момент в двери отчаянно застучали, и я услышала голос матушки «Элизабет, откройте немедленно!».

Моя репутация трещала столь же основательно, как и преграда на пути любопытства городских матрон.

Аверан, поставив меня на ноги, прикоснулся к моему лицу, захватил и приподнял подбородок, заставляя запрокинуть голову и смотреть на него, и произнес:

— Страстный поцелуй?

— Полагаете, это будет достаточно шокирующим для патронесс города? — поинтересовалась я.

— Вполне, — усмехнулся он.

И начал медленно, не отрывая взгляда от моих глаз, склоняться к моим губам.

— О, боже, — прошептала я, испытывая неистовое желание избежать этого.

— Что-то не так? — с насмешкой поинтересовался Аверан.

— Пытаюсь убедить себя, что должна вам как минимум поцелуй, за спасение племянника, — произнесла, основательно скривившись.

— Пытаетесь убедить себя? — переспросил герцог, и его вторая рука скользнула на мою талию, рывком прижимая к твердому мужскому телу. — Пытайтесь. А я попытаюсь убедить себя в том, что не мечтал об этом

прикосновении с той самой минуты, как увидел вас на этом безумном Персиковом балу.

Что?!

— Ооо, — я рассмеялась слегка отодвинувшись, — лорд Аверан, вы бы еще заявили сейчас, что безумно влюблены в меня, и вся эта чудовищная месть была затеяна исключительно из-за того что я ранила вас в самое сердце, ведь самые болезненные удары нам наносят лишь те, кого мы любим, или как там еще говорят?

Аверан замер.

На его красивом, загорелом аристократическом лице словно прошла какая-то судорога, синие глаза казалось стали ярче, губы вдруг сжались. А затем из груди раздался какой-то сдавленный рык.

Меня крайне позабавила эта реакция, и не взирая на крики раздающиеся за запертой дверью, я, уделяя все свое внимание исключительно этому высокомерному мужчине, вознамерившемуся уничтожить меня, весело продолжила:

— А быть может, вы сейчас заявите, что тогда на Персиковом балу последовали за мной, исключительно из-за того, что не могли глаз от меня оторвать и потому пристально следили за моими передвижениями?

Взгляд герцога вдруг сделался каким-то больным, мужчина стремительно отпустил меня, и отпрянул будто от огня.

Меня же разбирал смех, и все так же со смехом я продолжила:

— О, боже, лорд Аверан, еще немного и я поверю, что наши «случайные» столкновения на всех обедах у почтенных миссис происходили потому, что вы дня не могли прожить без лицемерия моего светлого образа!

Этот мерзавец, стремительно засунув руки в карманы, странно посмотрел на меня, странно и с такой ненавистью, что впору было отшатнуться. Но пугаться я не собиралась, тем более, что стучать в двери перестали, а значит маменька вспомнила, что у нее есть запасной ключ.

— Рада, что вы передумали шокировать дам страстным поцелуем, — с улыбкой произнесла я.

— Почему? — голос Аверана почему-то был хриплым и звучал как-то глухо.

И вот тогда, уже без тени улыбки, я совершенно серьезно произнесла:

— Потому что целоваться с вами мне было бы противно. — А далее, уже откровенно сорвавшись, я продолжила: — Вы невероятно мерзкий человек, лорд Аверан. Посмотрите на себя, вы взрослый состоявшийся мужчина, с положением, родословной и состоянием, которое делает вас

желаннейшим женихом в королевстве. И вы, сиятельный лорд, растратили полтора месяца своего времени, очаровывая провинциальный городок исключительно ради того, чтобы отомстить девчонке, посмевавшейся придать огласке ваши чудовищные слова?

Он промолчал, продолжая пристально смотреть на меня.

Я же продолжила:

— Ваши слова, лорд Аверан. Я не оговорила вас, не унизила, не опорочила — я лишь сообщила о сказанном вами, дабы предостеречь тех, кто, уподобившись летящим на огонек мотылькам, падает в объятия одетых в военную форму любителей легких побед. Я совершила подлость или же что-то предосудительное?

Он все так же молчал, продолжая неотрывно смотреть на меня.

— Единственный ваш достойный поступок — спасение Уилла и людей в парке, — я взглянула на дверь, от которой доносился звук проворачиваемого в замке ключа и завершила свою речь: — В остальном вас совершенно не за что даже уважать. Особенно в свете вашего сегодняшнего поступка. Так что да — я исключительно счастлива, что вы отказались от идеи опорочить меня еще и поцелуем, по той простой причине, что вы мелочны, эгоистичны, тщеславны и противны мне как человек и как мужчина.

В этот миг дверь распахнулась, являя мне раскрасневшееся лицо маменьки, и заинтересованно-любопытные лица многочисленных почтенных миссис.

Герцог молчал, все так же глядя на меня, и, кажется, даже не заметив вторжения. Мне же оставалось лишь отыграть свою партию до конца, и я, нарочито всхлипнув, произнесла:

— Матушка, лорд Аверан объяснился со мной, признавшись в своих чувствах, и сделал мне предложение!

И я посмотрела на Аверана. Мужчина, медленно осознавая, как ловко я нашла выход в казалось бы безвыходной ситуации, сузил глаза, но снова промолчал. А я ждала его слов. Все ждали его слов, особенно маменька, которая, убедившись, что продолжения не последует, воскликнула:

— И что же ты ответила, Элизабет?

Я подняла руку, раскрыла ладонь, так чтобы все увидели перстень, и глядя в глаза герцога, негромко сказала:

— Вынуждена ответить вам нет, лорд Аверан. Я не люблю вас и не желаю становиться вашей женой. Прощу вас, заберите ваше кольцо.

Мне следовало сказать иное, что-то вроде: «Каковы бы не были мои чувства, но я уже помолвлена», вэтом случае я не унизила бы герцога, но

вместо этого высказалась моя гордость. И высказалась совершенно напрасно, потому что лорд Аверан, пристально глядя на меня, нехорошим тоном произнес:

— Даже так?

Я промолчала, внезапно ощутив себя так, словно мы с ним сейчас оказались наедине, только вдвоем, недопустимо близко.

— И это все, что вы желаете мне сказать, мисс Хемптон? — хрипло спросил он.

— Определенно — да, — отчеканила я. — Кольцо.

Лорд Аверан протянул руку, словно собираясь забрать перстень с моей ладони, но внезапно обхватил мое запястье, рывком потянул на себя, сжал мою талию, а затем страстно, нагло, совершенно не обращая внимания на вскрикнувших дам, смял мои губы поцелуем.

От этого прикосновения я словно в единый миг лишилась дыхания, мыслей, ощущения окружающего пространства... В ушах отчетливо слышалось лишь биение моего сердца и его тяжелое дыхание, а по телу разлился жар...

Все длилось едва ли секунду...

Уже в следующую, герцог отпустил меня, отошел на шаг, чинно склонил голову, вновь посмотрел на меня и глухо произнес:

— Вы оказались правы, мисс Хемптон. Правы во всем. Тем хуже для вас.

С этими словами Аверан, развернувшись и ни на кого не глядя, покинул гостиную моего дома, а затем и сам дом. А я, не устояв на ногах, медленно опустилась на пол, выронив злополучное кольцо. Неистово билось сердце, губы горели огнем, во всем теле поселилось странное томление и казалось, я до сих пор ощущаю тепло и силу сжимающих меня рук... Но после накатило осознание случившегося. Всего случившегося. Накатило с отчетливым осознанием того цинизма, жестокости и подлости с которыми лорд Аверан продумал, а затем попытался осуществить свой замысел. Подонок! Жестокий, мстительный, чудовищно коварный мерзавец!

И у меня случилась истерика, воспринятая всеми как «правильное поведение благовоспитанной девушки» и все присутствующие дамы весь вечер утешали меня патетичным «каков мерзавец» и «Уилберт обязан вызвать его на дуэль».

Но о какой дуэли могла идти речь — никто еще не забыл, как Аверан одной рукой удержал обезумевшую лошадь, сомневаюсь, что после подобного нашелся бы хоть один дурак, рискнувший бросить ему вызов.

На следующий день за утренним чаем стало известно, что герцог

Аверан покинул Уэстенс. Я испытала невероятное облегчение от этой новости, и меня извиняет тот факт, что всю прошедшую ночь я не сомкнула глаз, время от времени прикасаясь к губам, которые после натиска его светлости опухли и горели так, словно их обожгло кипятком. К утру припухлость спала, но сама мысль что мой первый поцелуй состоялся не у алтаря с новоиспеченным супругом, а был сорван жестоким мерзавцем, совершенно не радовал.

А вскоре Уэстенс вновь стал невероятно скучным городком. Уехали Полин с мужем и малышом Уилли, мои сестры все так же порхали по балам и гуляниям, маменька ежедневно выслушивала слова сочувствия от всех почтенных миссис, все же какой случился конфуз — любимая дочь отказала такому мужчине, целому герцогу, в итоге дамы заявляли одно «она всегда была не романтичной».

Увы, но в конечном итоге виноватой во всем сделали меня. Общество, слегка подзабыв, что я уже помолвлена, радостно обсуждало мою бессердечность и грубость, глубоко ранившие герцога Аверана, который страдал настолько, что поддавшись порыву, поцеловал меня на глазах у всех, видимо совершенно обезумев от любви.

Кольцо его светлости осталось лежать на каминной полке в гостиной, ежедневно находилось немало народу, желавшего взглянуть на эту реликвию.

А затем как-то незаметно наступил день возвращения папеньки и Густава.

Окрыленная надеждой, что, наконец- то моя жизнь вернется в прежнее русло, я, едва слуга принес известие о том, что на горизонте показались паруса Ост-вендской компании, поспешила на пристань.

Это было яркое солнечное утро, заполненное криками матросов с других кораблей, и шумом встречающего корабли народу. Мы с маменькой доехали до пристани, и несмотря на то, что она осталась сидеть в экипаже, сославшись на палящее солнце, я выскочила из кареты, и поспешила к пристани.

Как раз вовремя, именно в этот момент закрепили сходни, и Густав первым поспешил сойти на берег. Я прижав руки к груди, замерла, любуясь им — за время путешествия его волосы выгорели и стали совершенно пшеничного цвета, потемневшая кожа словно подчеркнула глубину и цвет глаз, плечи будто стали шире, а может их подчеркнула рубашка, на залихватский морской манер расстегнутая до груди... И пожалуй, в этот миг можно было бы искренне влюбиться в Густава, если бы не одно но — я вдруг поняла, что неосознанно сравниваю его с Авераном. И в сравнении с

его светлостью Густав проигрывал во всем...

Прикрыв глаза, я мрачно выговорила самой себе «Ты больше не будешь думать об этом мерзавце. Ты больше никогда не будешь...»

И тут я услышала призванное привлечь внимание «Гхм».

Распахнув ресницы, я в первый миг просто не поверила в увиденное — Мисс Хемптон, — прикоснувшись к шляпе, произнес герцог.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, кто стоит передо мной. Затем я, поклонилась, присев в реверансе и произнесла, как и следовало:

— Лорд Аверан.

После чего попыталась было обойти его светлость, чтобы поспешить к жениху. Но герцог, словно разгадав мой маневр, вновь заступил мне дорогу и произнес:

— Сегодня чудный день, не находите, мисс Хемптон?

Разъяренно взглянув на него из-под полы шляпки, и поистине не понимая, как после всего случившегося он вообще посмел подойти ко мне, я была вынуждена ответить:

— Да, лорд Аверан, день действительно чудесный.

И невольно заметила, что его светлость выглядит не лучшим образом. Осунувшийся, несколько побледневший, он смотрелся потрепанно, даже невзирая на безукоризненно отутюженный костюм.

— Вы нездоровы? — выпалила прежде, чем осознала что говорю.

— Слегка, — уклончиво ответил герцог. — Не стоит беспокоиться.

Разговор увял, едва начавшись. Мне хотелось поскорее уйти, тем более что сходни Густав уже преодолел и теперь спешил ко мне по пристани, заметно хмурясь от присутствия рядом со мной его светлости.

Чувствуя себя крайне неудобно, я решила намекнуть герцогу, что не задерживаю его, поэтому произнесла:

— Что привело вас на пристань Уэстенса, лорд Аверан?

— Дела, — сухо ответил он.

— Не смею вас задерживать, — тут же вставила я.

По всем правилам этикета на этом разговор должен был завершиться. Но его светлость явно считал иначе.

— Надеетесь выйти замуж, Элизабет? — с ядовитой усмешкой спросил он.

Мрачно взглянув на него, я язвительно поинтересовалась:

— А вы предпочли бы видеть меня падшей женщиной, лорд Аверан?

Маски сорваны, кружева ненужных условностей отброшены, противники вновь скрестили шпаги. И его светлость как-то вмиг

преобразился — из его глаз ушло выражение безразличия и отрешенности, на губах зазмеилась улыбка.

— Предпочитаю видеть вас... женщиной, — он произнес это, понизив голос едва не до шепота, и глядя на меня так, что становилось совершенно ясно, он не испытывает ни малейшего стыда за содеянное.

Я продолжала взирать на него без тени улыбки, ожидая продолжения поднятой им же темы. Но герцог решил завершить на этом, поклонился, коснувшись шляпы, после чего, проигнорировав уже практически подошедшего к нам Густава, неторопливо удалился.

Я посмотрела ему вслед с откровенной злостью, значительно омрачившей мне встречу с женихом. Как оказалось в дальнейшем, встречу омрачило не только это — Густав был посвящен во все случившееся и крайне недоволен моим поведением и тем, что я едва не опорочила себя.

О том, как недопустимо вела себя, я выслушивала до самого экипажа, где нас ожидала маменька, а затем до самого моего дома, так как Густав соизволил проводить меня до дому, от чего я была вынуждена ехать в его экипаже и компании его отца, помимо моего жениха. На все мои попытки возразить, ответ следовал один:

— Элизабет, ты практически моя жена, все что вытворяешь ты, несмываемым пятном ложиться на мою репутацию. В конце концов я веду себя безукоризненно, и от тебя требую того же.

Попытки оправдаться пресекались мгновенно и всеми присутствующими. Не порадовали даже подарки — папенька привез мне нить удивительного розового жемчуга, Густав корзину диковинных ракушек, ароматические масла для ванны и ожерелье с бриллиантами, к свадебному платью. Но подарки были совершенно ничем в сравнении с постоянными упреками. Завершилось тем, что даже Полин высказалась крайне нелицеприятно, заявив:

— Следует иногда думать головой, Беттилиз. Ты понимаешь, что после вашего прилюдного поцелуя, Уилард должен был как единственный присутствующий мужчина семьи, вызвать Аверана на дуэль?! И я надеюсь, ты осознаешь, что как человек чьего ребенка спас герцог, мой супруг не мог так поступить?!

Я понимала другое, — Уилард просто испугался. Нет, не осуждаю, вполне резонно испугался, всем хочется жить. Но меня откровенно злило другое:

— Если бы ты и Уилард не ввели лорда Аверана в наш дом, ничего этого не случилось бы! — не выдержав, в конце концов, высказала я.

У Полин глаза немедленно наполнились слезами, подбородок

задрожал, и, воскликнув «Да как ты...» она выскочила из моей комнаты.

Теперь в моей семье практически никто не разговаривал со мной.

Зато все живо обсуждали удивительную новость — вокруг городского парка возвели высокую стальную ограду. И сделало это явно не руководство города, наши почтенные господа не стали бы тратить средства на столь элегантно-роскошное ограждение, ко всему прочему крайне крепкое и способное выдержать не то что натиск одной обезумевшей лошади, но и целого табуна. К слову осталось неизвестным, кто расщедрился столь основательным образом — меценат не пожелал оглашать свое имя и запретил делать это подрядчику. Стену возвели быстро, в сжатые сроки, качественно, основательно и да — невероятно красиво.

Между тем близилось время свадьбы, Густав теперь был в городе, и мы неизменно гуляли вместе с ним по утрам, а так же проводили все вечера в компании либо его родственников, либо друзей. Не могу сказать, что меня это радовало... Слишком тяжелым грузом оказались постоянные упреки со стороны жениха, помимо этого я невольно начала подмечать в нем стремление тщеславию, хвастовство, и желание унижить меня, неизменно заявляя при всех наших знакомых «Как бы Элизабет не вела себя, я все равно должен на ней жениться, вы же понимаете — ничто не скрепляет деловое партнерство так, как брак наследников». Естественно я при этом была вынуждена молчать и улыбаться, но с каждым разом становилось... больнее.

Так как лето степенно захватывало в свои горячие объятия, мы все больше времени проводили в парке, в беседках у воды. Здесь можно было развязать ленты на шляпке, и, скинув атласные туфельки удобно устроиться на софе. Кто-нибудь садился за рояль, девушки принимались кокетничать, юноши, в основном из друзей Густава, рассказывать презабавные истории. Дамы пили разбавленное вино, молодым мужчинам позволялось виски.

В один из таких вечеров, когда до моей свадьбы оставалось всего пять дней, в беседке, где до того царил веселый смех, вдруг наступила напряженная тишина. Я в этот момент полулежала на софе, Густав, держа меня за руку и перебирая мои пальцы примостился на пуфе рядом, мистер Малинтон, до того игравший на рояле, как и все хохотал над историей Томаса Дорингтона, который был в плаванье вместе с моим отцом и женихом, и потому стоило всем замолкнуть, наступила мертвая, напряженная тишь. Повернув голову, я взглянула на вход в беседку и сердце замерло — там, на ступенях, стоял никто иной как герцог Аверан.

Мужчина, статью, положением головы, разворотом плеч — в этот

момент действительно напомнил мне хищника, вступившего на выпас скота, замершего при его появлении.

— Добрый вечер, надеюсь, не помешал? — спросил он таким тоном, что это прозвучало не просто насмешкой — издевкой.

Но вместо того, чтобы возмутился хоть кто-то, Тедди Норис произнес:

— Нет-нет, что вы. Дамы и господа, позвольте представить вам лорда Аверана!

Представлять никого не нужно было, все и так знали данную одиозную личность.

— Надеюсь, вы не против моего вторжения? — входя в беседку, произнес он.

Вопрос был риторическим, но все тут же наперебой заговорили что нет, конечно нет, и вообще это честь для них, и проходите, садитесь что будете пить. Герцог возжелал виски и мое скромное общество. Причем последнее он продемонстрировал весьма недвусмысленно — взял освобожденный для него стул, перенес ближе ко мне, сел напротив, закинув ногу на ногу и позволив себе издевательскую усмешку. Густав мгновенно напрягся, и сжал сильнее мою ладонь. Я же, высвободив свою руку, села ровнее, опустила ноги, вдела в туфельки, и приняла позу наиболее соответствующую благовоспитанной леди.

Его светлость на это отреагировал насмешливым:

— Прежняя поза гораздо более соответствовала вашему характеру, мисс Хепмтон.

Не отреагировав на это, я произнесла:

— Дорогой, — вновь взяла Густава за руку, — позволь представить тебе лорда Аверана. Лорд Аверан, позвольте представить вам моего жениха и через пять дней супруга, мистера Одтовера.

Мужчины поднялись и раскланялись. С сожалением отметила, что Аверан выше.

Все вновь заняли свои места, после чего его светлость подчеркнуто вежливо обратился к Густаву:

— Как прошло ваше плавание, мистер Одтовер?

— Благодарю вас, замечательно, — холодно ответил Густав.

— За замечательное плавание! — произнес тост герцог Аверан.

Присутствующие выпили, я, как дама, могла позволить себе не поддерживать любые тосты, а потому так и не взяла стоящий на подлокотнике бокал с разведенным до бледно-розового цвета вином.

— Миновали ли вы пиратов? — задал следующий вопрос лорд Аверан.

Густав, который и так изрядно выпил, усмехнулся и ответил:

— Миновали ли мы пиратов? Ха! Близ Тортуги нас нагнал военный флот его величества, и мы держались его более месяца плавания, а пираты держались от нас подальше. Но в любом случае, будьте уверены, посмей они напасть и мы дали бы им отпор, лорд. Двадцать пушек, сорок кирасир тяжелого вооружения — о нас обломали бы зубы любые пираты карибских островов!

— О! — изумился герцог. — Ваше плаванье пролегало близ берегов Тортуги?

— Именно так, лорд! — с явной гордостью сообщил Густав. — Мой партнер, мистер Хемптон, настаивал на крюке, но я стремился вернуться домой скорее, мы срезали путь, и моя тактика полностью оправдала себя!

Я испытала приступ тоски, выслушивая эту поистине «замечательную» историю раз так... в сотый?!

— Хм, значит вы бывали и в Гаване? — тоном подбирающегося хищника, спросил лорд Аверан.

— Да, стояли там две недели, — Густав казалось полностью расслабился и не ждал каверзы.

Я же отчетливо поняла — сейчас грянет гром.

Сейчас точно что-то произойдет!

Я чувствовала это всем сердцем, каждой клеточкой кожи... но ничего не могла сделать. Леди вмешивающаяся в серьезный разговор двух мужчин? Вольность, которую незамужняя девушка попросту не может себе позволить. И я с замиранием сердца и обреченностью связанного по рукам и ногам, ожидала последующих слов герцога.

Аверан взглянул на меня, а затем учтиво обратился Густаву:

— В таком случае я посоветовал бы не спешить со свадьбой.

И Густаву следовало бы промолчать, не захватывать наживку, издевательски брошенную его противником, но мой жених был крайне неискушен в светском общении, а потому на потеху публике удивленно спросил:

— Почему?

Герцог Аверан принял совершенно невозмутимый вид и достаточно громко сообщил:

— Следует поначалу убедиться, что вы действительно излечили гонорею, несомненно, подхваченную у гаванских портовых девок, у которых она распространена повсеместно. Видите ли, мистер Одтовер, ваше заболевание передается половым путем, и приводит к воспалению внутренних органов у женщины, а так же как следствие — к бесплодию. Разве ваш доктор не поставил вас в известность о том, что вы заражны?

Я потрясенно замерла. Густав неожиданно резким движением отнял ладонь, чем вмиг подтвердил все сказанное Авераном, поразив этим меня до глубины души, и лишь затем возмущенно произнес:

— Что вы себе позволяете?

Не отвечая на это, герцог улыбнулся. Это была совершенно наглая и самодовольная улыбка человека, который не опасался никого и ничего, от того и позволял себе слишком многое. Чрезмерно многое. К примеру унизить меня и моего жениха настолько, что я даже представить себе не могла, как теперь следует повести себя.

Но прежде, чем сумела придумать хоть что-то, его светлость обратился ко мне с вопросом:

— Как поживает мое кольцо, Элизабет?

С трудом сдерживая ярость, я ответила:

— Расположившись на каминной полке в нашей гостиной, ожидает, когда же вы, наконец, соизволите его забрать, лорд Аверан!

Усмехнувшись, герцог откинулся на спинку стула, и, глядя на меня, произнес:

— Я полагаю, будет лучше, если вы его наденете, Элизабет.

— Этого не произойдет, лорд Аверан, — отчеканила, с ненавистью глядя на него.

Мое сердце билось столь неистово, что казалось гул биения я слышу в ушах, в глазах потемнело, злость захлестывала, но я старалась говорить спокойно и вести себя с присущим воспитанной леди хладнокровием.

Но даже мне выдержка отказала, когда герцог, все так же игнорируя как присутствующих, так и моего жениха, подался чуть вперед и поинтересовался:

— Все так же неприятен вам?

— Все так же мерзок! — разъяренно воскликнула я.

— Мм, сколько экспрессии и сколько эмоций, — ничуть не оскорбившись, произнес он. А затем, вернувшись в исходное положение, продолжил: — Поверьте, Элизабет, уж лучше мерзкий я, чем потасканный по Гаване ваш ничтожный и больной в самых интимных местах жених.

Этого Густав уже никак не мог стерпеть. Обезумев от алкоголя и слов герцога, он подскочил, с трудом достал снятую перчатку из кармана, и прежде чем я успела вмешаться, швырнул ее в лицо откровенно насмехающегося над ним Аверана.

— Вы ничтожество! — воскликнул Густав, игнорируя мой протяжный стон. — Я вызываю вас на дуэль!

Все вокруг потрясенно молчали, и в этой тишине так резко прозвучал

смех герцога. Лорд Аверан хохотал так, что всем стало ясно — он попросту потешался над нами, и ему действительно происходящее казалось крайне забавным.

— Элизабет, — отсмеявшись, произнес он, — а вы обратили внимание, что ваш драгоценный жених не вступился за вас, моя дорогая, он был оскорблен исключительно выпадами в его собственный адрес. Говорящая о многом реакция, не так ли?

И не дожидаясь моего ответа, обратился к Густаву:

— Завтра. На закате. За городом у старого кладбища. Советую приехать заранее и присмотреть местечко для себя, мистер Одтовер. Мисс Хемптон, мое почтение.

С этими словами его светлость поднялся и покинул потрясенное общество.

* * *

Проводивший меня домой Густав был невероятно резок и нервительно суетлив. В случившемся он обвинил, естественно, меня. Прилюдно.

И на этом моя выдержка канула в пропасть, и я, так же не стесняясь присутствующих, повторила сказанное мне Густавом не далее как в карете после его прибытия:

— «В конце концов я веду себя безукоризненно, и от тебя требую того же», — а затем продолжила: — У вас весьма интересное представление о безукоризненном поведении, мистер Одтовер.

Густав, собирающийся взорваться очередной эскападой, затих, потрясенно глядя на меня.

— Надеюсь, это все сюрпризы, или мне стоит ожидать очередного вашего подарка с Гаванны, помимо полагающегося случаю бриллиантового кольца?!

После моего разъяренного вопроса по поводу Гаити, затих и более со мной не разговаривал.

По возвращению домой, я сославшись на плохое самочувствие, поднялась к себе в комнату и легла спать, стараясь вовсе не думать о завтрашнем дне и безумно злясь на жениха. Да, я понимала, что мне следует испытывать ужас и страх по поводу предстоящей его дуэли, но "Элизабет, а вы обратили внимание, что ваш драгоценный жених не вступился за вас, моя дорогая, он был оскорблен исключительно выпадами в его собственный адрес. Говорящая о многом реакция, не так ли?». И эти слова Аверана не просто жгли, прожигали насквозь.

Нет, я не ждала от Густава безмерной и вечной любви, прекрасно отдавая себе отчет в том, что у нас брак по договоренности. Я, в отличие от

сестер, по приезду Густава не намекала ему, что следовало бы вызвать на дуэль герцога, оскорбившего меня поцелуем на глазах у всех почтенных матрон Уэстенса, потому как понимала, что дуэль с Авераном определенно приведет к смерти моего жениха. Но во имя всех святых, как же отвратительно ощущать себя ничтожеством, в адрес которого будущий супруг спускает все оскорбления, и более того — винит в том, в чем совершенно нет ни капли моей вины, в то время как сам... Сам...

Было ли мне жаль в тот момент Густава? Нет.

Я была невероятно зла на него. Все эти дни, все эти упреки в неблагонравном поведении которое порочит его святую честь, все насмешки, постоянное прилюдное подчеркивание того факта, что он «вынужден» жениться на мне несмотря ни на что. Несмотря на что?!

И все же не спалось.

А потому я услышала и как к нашему дому спустя едва ли час подъехала карета, и голос миссис Одтовер, прозвучавший с явно истерическими нотками.

Далее последовала беседа на повышенных тонах, а после крик миссис Одтовер:

— Она должна ехать к герцогу! Просить! Он влюблен, его сердце смягчится, он...

— Моя дочь никуда не поедет! — перекрывая ее крик громко произнес мой отец. А затем все так же довольно отчетливо я услышала: — Вы предлагаете недопустимое, миссис Одтовер. Отправиться ночью в номер его светлости?! Это ляжет несмываемым пятном на репутацию моей дочери!

— А как же смерть моего сына? — взвизгнула миссис.

— Ваш. Сын. Сам. Вызвал его светлость на дуэль! — напомнил мой отец.

Резонно напомнил.

— У вас нет сердца, мистер Хемптон! — зарыдала мать Густава.

— А вы считаете, что оно есть у герцога Аверана? Ну так ступайте к нему и умоляйте не убивать вашего сына! — заявил ей папенька.

— Я?! Ночью? Да на меня после весь город будет смотреть как на падшую женщину! — возмутилась миссис Одтовер.

— А на мою дочь нет? — заорал отец.

Миссис Одтовер покинула наш дом. Увы, на этом все не закончилось — через час прибыл мистер Одтовер и сам Густав. Густав требовал встречи со мной, папенька запретил горничной будить меня, скандал разгорелся с новой силой. Я услышала весьма много нового о себе в трактовке истории,

рассказанной моим женихом — по его мнению я лично вынудила герцога оскорбить меня неприличным словом, после чего он, Густав, был вынужден вызвать герцога на дуэль, дабы спасти мою честь. Папенька не стал сообщать Густаву, что ему известно как все происходило на самом деле, но посоветовав тому быть последовательным, рекомендовал готовиться к дуэли и довести дело по защите моей чести до конца.

Густав покинул наш дом, громко хлопнув дверью.

За ним последовал его отец.

Наутро Уэстекс потрясла невероятная новость — Густав Одтовер бежал из города и королевства. Бежал... Что делать с предстоящей свадьбой никто не знал. У меня были готовы платья для первого, второго и последующих семи дней празднеств, гости приглашены, церковь заказана, как впрочем и белоснежная карета, и музыкальный оркестр и даже два ресторана... А мой жених сбежал, испугавшись им же вытребованной дуэли... Обиднее всего было то, что ему достаточно было бы извиниться и сказать, что у него нет претензий, в конце концов, как сторона требующая дуэли, он мог просто от нее отказаться...

Но Густав предпочел сбежать.

Я осталась.

Меня ожидало тревожное утро, молчаливое осуждение маменьки и сестер, сурово-сосредоточенный папенькин вид. Весь дом словно находился на осадном положении, и я была его причиной. Что удивительно — за весь день к нам не явилось ни единого гостя, и даже прохожие, проходя мимо особняка, словно старались говорить тише и неизменно поглядывали на дом.

Радовал лишь малыш Уилли, с ним я и провозилась весь день.

А с наступлением вечера нас посетили с визитом.

Вся семья как раз собиралась ужинать, и потому когда горничная вошла и передала Уилберту, что к нему гость, на это отреагировали не самым радостным образом.

Но того, что сообщит вернувшийся через несколько минут супруг Полин, не ждал никто. Молодой мужчина вернулся в столовую, остановился на пороге, обвел взглядом всех, в ожидании трапезы мающихся бездельем, посмотрел на меня и произнес:

— Элизабет, герцог Аверан в гостинной и он хочет поговорить с тобой.

Я вспыхнула, собираясь высказать все, что думаю по этому поводу, и особенно по поводу того, что Уилберт впустил его в наш дом, но прежде чем успела открыть рот, супруг Полин зло и отрывисто сказал:

— Я не мог не принять человека, спасшего жизнь моему сыну!

И папенька, который отшвырнув газету тоже поднялся, явно собираясь жестко выговорить Уилберту, опустился обратно в кресло.

— Да, я понимаю, он совершил немало дурного, — продолжил Уилберт, — но как минимум половина вины на тебе, Элизабет.

Я потрясенно развела руками. Меня бесконечно поражало то, что все считали именно меня виновной в случившемся.

— Я прошу тебя дать ему возможность быть услышанным, — Уилберт действительно просил. — Пожалуйста.

Оглянувшись на маменьку — она украдкой вытирала слезы, папенька в ответ на мой взгляд произнес «Оставь дверь приоткрытой», сестры молчали, вот только Полин смотрела так, что сразу стало ясно — мне придется поговорить с Авераном.

Что ж, оправив помявшееся после возни с Уилли платье, я вскинула подбородок и направилась навстречу врагу.

* * *

Не знаю, чего ожидали мои родственники, я лично ничего хорошего от герцога уже давно не ждала. И потому ничуть не удивилась, войдя и обнаружив, что Аверан сидит, вольготно раскинувшись на диване, и даже не пытается встать, как полагается, чтобы приветствовать вошедшую леди.

Да и вид у его светлости был крайне оригинальным — костюм для верховой езды, с расстегнутой курткой, полурасстегнутой рубашкой, в разрезе которой виднелись жесткие темные курчавые волосы, сапоги выше колена и хлыст, коим он постукивал по лежавшей рядом с ним обтянутой шелком подушке.

— Приступайте, мисс Хемптон, — произнес он, стоило мне войти.

— Добрый вечер, лорд Аверан, — произнесла я, приседая в реверансе.

Каков бы не был мерзавец, с коим я была вынуждена вести беседу, вести себя как невоспитанная особа я не собиралась.

— Да-да, — раздраженно сказал он, — этикет превыше всего. Считайте, что мы с вами уже обсудили погоду и переходите к самому интересному.

Очаровательно улыбнувшись, я присела на край софы, расположенной напротив дивана, и вежливо произнесла:

— В Уэстенсе чудное лето, вы не находите?

Прекратив постукивать хлыстом, герцог посмотрел на меня, сузив глаза от ярости.

— Нахожу, — зло ответил он. — С реверансами покончено?

Выдав самую невинную из улыбок, я продолжила:

— Как здоровье вашей маменьки?

— Вы не знакомы с моей маменькой!
— Но меня бесконечно волнует ее здоровье.
— У маменьки превосходное здоровье. Элизабет, переходите к мольбам и просьбам, я жду.
— Как здоровье вашего папеньки?

Герцог подскочил, затем, меряя шагами нашу гостиную, начал прохаживаться из угла в угол. Я безмолвствовала, безразлично глядя на камин, и не желая нарушать приватность променада его светлости. Аверан же, явно подуспокоившись, рухнул обратно на диван, закинул ногу на ногу, и вновь принявшись постукивать хлыстом, правда на этот раз по собственному сапогу, произнес:

— Мисс Хемптон, я оценил как ваш нрав, так и выдержку. Считайте, что вы получили высший бал. Но давайте перейдем к куда более интересным вещам и обсудим ваше будущее.

— Мое будущее нуждается в обсуждении? — ровным тоном поинтересовалась я.

Между тем я ощущала, что буквально задыхаюсь от ярости. Неожиданно стала ясна причина побега Густава — он явно попытался отменить дуэль, Густав слишком ценит свою жизнь, а проспавшись и узнав от друзей, на что способен Аверан, он сделал соответствующие выводы, соответственно отправился к герцогу и натолкнулся на нечто, вынудившее его позорно сбежать.

— Ваше будущее несомненно нуждается в обсуждении, — отчеканил Аверан. — От вас сбежал жених, мисс Хемптон, вы остались совершенно одна, ко всему прочему ваша репутация изрядно подмочена.

— Вашими стараниями, — я искренне старалась сохранять спокойствие.

Аверан ответил пренаглой усмешкой, после чего озвучил мне то, ради чего собственно явился:

— Элизабет, я истратил значительное количество времени размышляя над вашими словами и пришел к выводу, что вы были правы, и у меня действительно есть чувства к вам.

Я вопросительно изогнула бровь.

— Да, — продолжил герцог Аверан, — я безумно влюблен в вас. Влюблен настолько, что день, в который не удалось вас увидеть, кажется мне напрасно прожитым, а ночью вы безраздельно властвуете в моих грезах, что не слишком хорошо отражается на моем мужском здоровье.

Он допустил паузу, явно выражая этим что-то... но мне было совершенно непонятно что.

— Хорошо, скажу проще — вы нужны мне, — практически прорычал герцог. — В моей постели, в моей жизни, в статусе полной принадлежности мне!

— Звучит пугающе, — была вынуждена признать я.

— Звучит волшебнo, — не согласился Аверан.

Затем, окинув меня взглядом, от которого захотелось прикрыться... да пусть даже лежащим на полу пухом, он продолжил:

— Звучит настолько волшебнo, что я готов, невзирая на мнение моей матушки и остальных родственников, жениться на вас. И меня уже не волнует, что вы значительно ниже по положению, ваше происхождение оставляет желать лучшего, манеры нуждаются в корректировке, а норов гораздо больше подошел бы породистой кобыле.

— Вы сравнили меня с... кобылой? — в полнейшем изумлении переспросила я.

— Не придирайтесь к словам, Элизабет! — рявкнул Аверан, ударяя себя хлыстом по сапогу.

После чего сказал:

— У вас безвыходная ситуация, мисс Хемптон, я нужен вам. Безумно жаль, что ваша молодость и недалекость ума не позволили вам в полной мере осознать это, а мне насладиться вашими мольбами и просьбами, но я уверен, что у нас еще все впереди. Ступайте к отцу, сообщите, что я готов обсудить детали свадьбы.

С трудом сдерживаясь, я язвительно поинтересовалась:

— А как же помолвка, лорд Аверан?

Высокомерно посмотрев на меня, герцог произнес:

— Вон там, на каминной полке, кольцо, наденьте его и считайте что с помолвкой закончено. И поторопитесь, Элизабет, я намерен как можно скорее швырнуть вас на свою постель, в идеале хотелось бы уже сегодня, но я готов подождать еще пять дней, до нашей свадьбы. Зовите отца.

И на этом с меня было довольно. Медленно поднявшись, я оправила складки на платье, сложила руки, подняла голову, посмотрела на нахмурившегося герцога и произнесла:

— Лорд Аверан, не могу сказать, что мне искренне жаль, напротив — я безумно счастлива ответить отказом на ваше предложение!

Хлыст, до того постукивающий по сапогу замер.

— Скажу больше, — продолжила я, — мне безмерно, бесконечно, беспредельно, бескрайне приятно ответить вам отказом!

Аверан, сузив глаза, переспросил:

— Что это значит, Элизабет?

— Это ответ «нет», лорд Аверан.

— «Нет» в каком смысле?

— Во всех.

Он помолчал, затем хрипло поинтересовался:

— Вам не нравится кольцо?

— Мне не нравитесь вы.

— Вам не нравлюсь я?! — потрясенно переспросил мужчина. А затем произнес с яростью: — Элизабет, что во мне вообще может не нравиться?

И я высказала:

— Ваше поведение, ваш характер, ваши высказывания, ваши поступки, ваш нрав, ваша мстительность, ваше отношение к людям, в общем и целом — вы!

Аверан сузил глаза. В его взгляде промелькнуло что-то откровенно нехорошее, и последующие слова мне не понравились так же.

— Элизабет, — слегка растягивая буквы, произнес он, — вы ведь осознаете, что у вас нет иного выхода, кроме как принять мое излишне щедрое предложение?!

Судорожно вздохнув, я ответила:

— Лорд Аверан, я отчетливо осознаю, что мне девятнадцать лет, я происхожу пусть не из знатной, но хорошей семьи, и соответственно у меня высокие шансы на устройство личной жизни, так что вынуждена вас разочаровать — вы не единственный выход из положения, не стоит преувеличивать свою роль в моей жизни.

Но противореча сказанному мной, Аверан вновь, с тем же хищным растягиванием гласных в моем имени, произнес:

— Элизабет, просто поверьте — у вас нет иного выхода, кроме как принять мое щедрое предложение.

Я не стала никак комментировать его слова, сообщив:

— Не смею более задерживать вас, лорд Аверан. И буду крайне благодарна, если вы заберете ваше кольцо — поверьте, мне неприятно наблюдать тот культ, который формируется вокруг этой «реликвии».

Аверан поднялся.

Но вместо того, чтобы отправиться за кольцом, медленно приблизился ко мне вплотную, безотрывно глядя в мои глаза. Его поведение пугало, как и его взгляд.

Слова напугали не меньше:

— Глупая наглая девчонка, я даю тебе последний шанс отправиться за папенькой и принять и мою щедрость, и мое благородство, иначе клянусь — ты пожалеешь.

Внутри все содрогнулось, и мне сложно понять — от страха, возникшего после сказанного герцогом «ты пожалеешь», или от столь близкого нахождения его светлости. Боги, мне казалось, что я ощущаю его дыхание и жар исходящий от его тела.

Но загнав собственные чувства как можно глубже, я с вызовом спросила:

— Это угроза, лорд Аверан?

И получила в ответ:

— Да, Элизабет, это угроза.

Я потрясенно промолчала, герцог продолжил:

— Вы были правы, мисс Хемптон, я возжелал вас с первого взгляда, с того момента, как вы, в отличие от всех остальных, покорно склоняющих головы, взглянули на меня с вызовом. И я утонул в ваших огромных карих, словно у лесной лани, глазах. И вы были правы в другом — я действительно следил за вами весь вечер, желая убить каждого, кому вы улыбались, кто прикасался к вам в танце, каждого, кто вызывал у вас ваш неповторимый серебристый смех... Буду откровенен — я последовал за вами в сад, намереваясь поступить примерно тем же образом, что и лорд Кроу, но ваш ответ ему наглядно продемонстрировал, что передо мной не только симпатичная мордашка... оказалось, что эта мордашка еще и с норовом. Был ли я взбешен оглаской моих слов? Неимоверно. Но значительно более бесило то, что я желал вас с каждым днем все сильнее. Возвышенные чувства? Влюбленность? Любовь? К дьяволу, Элизабет, это болезнь! Чертова проклятая болезнь, вынуждающая сходить с ума от одного вашего присутствия, и корчиться, не имея возможности вас видеть, от болезненного неутолимого голода по вам. И ваша проблема в том, мисс Хемптон, что я утолю этот голод, с вашим на то желанием, или без него.

Он перевел взгляд на мои губы, приоткрытые от изумления, судорожно вздохнул, вновь посмотрел мне в глаза и практически прорычал:

— Скажите «да», Элизабет!

— Вы меня пугаете, лорд Аверан, — честно призналась я.

— Это ваш ответ? — практически с ненавистью переспросил герцог.

— Мой ответ остается неизменным, — я постаралась произнести это уверенно, не содрогаясь от ужаса, потому что лорд Аверан действительно пугал.

— Что ж, — герцог хищно усмехнулся, — в таком случае к дьяволу условности.

Он отступил на шаг, опровергая свое заявление церемонно поклонился, после чего развернулся и вышел, покинув меня, гостиную и в

целом мой дом.

Мелькнуло странное сожаление о том, что он покинул и мою жизнь... Я постаралась подавить это сожаление, и все остальные чувства.

* * *

Узнав о моем отказе его светлости, маменька пришла в ужас, а затем обрушила на меня лавину упреков и обвинений. Сестры были менее эмоциональны, но значительно более категоричны. Уиллард, неодобрительно покачав головой, сказал:

— Для такого человека как герцог Аверан унижением является уже одно то, что он попросил руки у девушки, находящейся гораздо ниже его по положению, но отказ... Будем надеяться, что он достаточно благороден, чтобы не мстить.

Увы, как я уже могла убедиться, благородством герцог не был отягощен, и потому я ждала мести. Но не было сплетен, пересуды некоторое время досаждали нам, однако вскоре прекратились и они. Герцог к слову покинул Уэстекс в тот же вечер, как состоялся наш последний разговор. Затем городок покинул и лорд Агнес с семьей, как оказалось Аверан прибыл сюда для ревизии дел военной академии, по результатам проверки Агнес был смещен с должности, и вскоре его заменил лорд Верон, прекративший традицию Персиковых балов. Густав так и не вернулся, по последним данным, он обосновался на Гаване, став торговым представителем конкурирующей с моим отцом компании ОстИндВест.

Мое свадебное платье, запакованное со всем тщанием, было упрятано в шкаф, белые ленты на шляпках, свидетельства моей помолвки, заменены на розовые, персиковые, голубые и прочие, подчеркивающие девичий статус. К слову я получила шесть предложений руки и сердца от неженатых торговых партнеров папеньки, и мне следовало принять решение в период начала сезона, который объявлялся с наступлением осени. Отец не ограничивал меня выборе, все шесть кандидатов по его мнению были весьма достойными, пусть и значительно превосходили меня возрастом, но вот во времени ограничил.

Я смиренно приняла его требования и начала готовиться к сезону, покидая дом в сопровождении то сестер, то горничной. Опасаясь мести его светлости, я не бродила одна, и появлялась только в людных местах, ограничив даже прогулки по городскому парку. Но ничего не происходило, Аверан не вернулся в Уэстекс, и даже его кольцо каким-то невероятным образом пропало из нашей гостиной, причем никто не видел кто забрал реликвию с каминной полки.

Бедой случилась в середине июля. В середине дня. В людном месте.

Я выходила из галантерейной лавки, вслед за выпорхнувшей горничной Летти, пересматривая купленные ленты для отделки моих бальных платьев, когда вдруг самым неожиданным образом, кто-то закрыл мне рот ладонью в черной перчатке.

Испуганно вскрикнув, я подняла взгляд на мужчину в черной, надвинутой на глаза шляпе, и увидела падающую на мостовую Летти с корзиной... бусинки, тканые розочки, шпильки и прочее живописно рассыпалось по тротуару...

Это последнее, что я могла увидеть, в следующее мгновение меня подхватили и внесли в стоящий рядом с выходом из магазина черный экипаж, без каких-либо опознавательных знаков. И карета тут же тронулась.

Вероятно, не продолжай мой похититель удерживать меня, я захлебнулась бы криком ужаса. Но меня держали крепко, карета продолжала мчаться все дальше, мои глаза постепенно привыкали к сумраку в экипаже, а когда привыкли, я разглядела сидящего напротив мужчину.

И едва не лишилась сознания — напротив меня, закинув ногу на ногу и самодовольно усмехаясь, располагался лорд Аверан.

Он явно выжидал момента, когда я смогу его увидеть, и разглядев в моих глазах проблеск узнавания, приказал своему подельнику:

— Отпусти.

И я получила свободу. Весьма ограниченную пространством кареты, потому как путь к выходу перекрывал похитивший меня мужчина.

Герцог же решил снизойти до светской беседы:

— Добрый день, мисс Хемптон, — произнес он.

Я от ужаса не могла сказать и слова.

— Рад видеть вас в добром здравии, — продолжил Аверан. — Не желаете ли поинтересоваться здоровьем моей матушки?

— Ккак она? — стараясь перестать дрожать, спросила я.

— Великолепно, благодарю. Как ваши родные?

— До этой происшествия у них все было замечательно, — я с трудом подавила всхлип.

Чудовищное нападение произошло на самой оживленной улице Уэстекса, его видели все, кто не видел, тому донесут все подробности в кратчайшие сроки. Вероятно, кто-то уже мчит экипаж, чтобы сообщить папеньке обо всем. Тот помчится к господину мэру... Полицейские передвигаются верхом, а значит есть шанс... призрачный но, шанс...

В этот момент карета остановилась.

— Мисс Хемптон, — произнес герцог, подавая мне руку.

— Лорд Аверан, я прошу вас, одумайтесь, — прошептала помертвевшими губами.

Этот надменный мужчина, внезапно расхохотался. Громко, язвительно, с издевкой. В следующее мгновение схватил меня за запястье, рывком поднял, и практически выволок из кареты.

И я поняла, что мы находимся в дубовой роще, что росла на востоке города, за пределами городской стены. И мы остались в ней совершенно одни, потому как стоило нам выйти, карета сорвалась с места и вскоре скрылась за поворотом дороги.

Лорд Аверан же, не теряя времени, подхватил меня на руки и понес прочь. Не далеко — аккуратно за несколько растущих поблизости деревьев, где поставил на ноги, а затем прижал своим телом к стволу наиболее объемного дуба, заглянул в мои перепуганные глаза и с невероятной нежностью прошептал:

— Я тосковал. А вы вспоминали обо мне, Элизабет?

В ответ на это, я прошептала, не надеясь на положительный ответ:

— Отпустите меня.

— Нет, — безапелляционно ответил он.

— Отпустите, прошу вас, — меня трясло от ужаса.

— Нет, Элизабет, — непреклонно повторил герцог.

И тут я услышала отдаленный топот копыт, щелчки кнутов, характерный переливчатый свист, который могли издавать лишь полицейские свистки и поняла, что это мои спасители. И они приближались все ближе, видимо взяв след и стремясь нагнать похитителей.

Но с нарастающим ужасом, я понимала и то, что герцог не позволит мне издать и звука, до тех пор, пока полицейские не промчатся мимо.

Аверан посмотрел на меня с усмешкой, без труда разгадав, какие мысли проносятся в моей голове, после чего наклонился и накрыл мои губы поцелуем. От страха, я зажмурилась и потому отчетливо ощутила это касание, почувствовала дыхание герцога, и вздрогнула, едва его рука обвила мою талию, притискивая сильнее к твердому телу мужчины. И чем сильнее я пыталась вырваться, тем сильнее Аверан прижимал меня к себе, и тем неистовее становился поцелуй. Губы горели огнем, мой рот давно перестал быть моим, в нем безраздельно властвовал Аверан, дыхание герцог и вовсе контролировал, вынуждая практически дышать им. И мне казалось, каждым движением, каждым жестом, надменный герцог словно впечатывает в меня свое я, побеждая и властвуя, не позволяя отстраниться,

отвернуться, прервать хоть на миг эту неистовую дуэль, в которой царил, побеждал и господствовал лорд Аверан.

Я задышалась, колени подгибались и не удерживай он меня, моей участью давно стало бы падение, но Аверан держал крепко, а целовал все более страстно, не обратив ни малейшего внимания на то, что погоня давным-давно скрылась за поворотом, к нам подъехала другая карета, а возница давно и терпеливо ждет.

Увы, его не волновала погоня, возница, хоть и был замечен сразу по приезду, не волновал так же — Аверан продолжал сражение, в котором не желала уступать я, и намерен был довести его до полной и абсолютной победы... несомненно своей. Но я упорствовала и сопротивлялась, герцог бесился и настаивал. Я отклонялась, он настигал, я вырывалась — он сжимал сильнее, я стискивала зубы, он заставлял разомкнуть, лишая меня дыхания.

В какой-то момент Аверан сдался, ослабив напор, он оторвался от моих губ, взглянул в глаза и хрипло заметил:

— Вы становитесь невероятно прекрасной, когда злитесь, Элизабет.

— Вы мерзавец! — прошипела я.

— Вы же понимаете, я все равно добьюсь своего, — взбешенно произнес он.

— Своего «чего»? — уточнила я.

Он отстранился, пристально глядя на меня. Некоторое время молчал, затем зло и отрывисто заговорил:

— Элизабет, я молод, чертовски хорош собой, богат, у меня высокое положение в обществе, я герцог, в конце концов, так скажите, что же вас не устраивает во мне?

— Лорд Аверан, вы шутите? — потрясенно спросила я.

— Я спрашиваю, Элизабет, — прорычал он.

И я сорвалась, высказав ему все, что думала:

— Вы самодовольный надменный мерзавец, лорд Аверан. Тщеславный негодяй, который убежден, что в силу его положения, знатности и богатства, все должны склонять перед ним голову, и получающий искреннее наслаждение от ощущения собственной власти. Вы — подонок, подсказывающий юношам как следует запугивать девушке так, чтобы они не смели никому признаться в том, что их обесчестили. Вы подлец, считающий себя вправе мстить леди за то, что она осмелилась сказать правду о вас. Вы сволочь, опустившаяся до попытки скомпрометировать девушку исключительно из прихоти, не задумываясь даже о том, что ломаете этим поступком ее жизнь, обрекая на одиночество и всеобщее

порицание до конца ее дней. Вы гад, считающий себя вправе ради собственного удовольствия провоцировать на вызов на дуэль, превосходно зная, что вы сильнее и зная, что об этом известно вашему противнику. И вы негодай, похитивший меня, из чувства собственного бессилия! Я что-то упустила, лорд Аверан?

Он промолчал, глядя на мои распухшие от его поцелуев губы.

Аверан смотрел на них несколько долгих минут, а затем взглянул в мои глаза долгим внимательным взглядом, нарочито медленно наклонился и прошептал, практически касаясь моих губ:

— Я настолько ужасен?

Мне хотелось ответить грубо и резко, но от чего-то голос отказал, и я лишь прошептала:

— Да, лорд Аверан.

Он хмыкнул, провел рукой по моей щеке, убирая выбившийся во время нашего противостояния локон, вновь взглянул в мои глаза и прошептал:

— Всегда думал, что у тебя карие, шоколадного цвета глаза, но я ошибся.

— В чем же? — я не понимала себя, не понимала, что происходит, и почему самым невероятным образом ловлю каждое сказанное Авераном слово.

— Твои глаза вовсе не шоколадные, — продолжил герцог, с нежностью, которой я совершенно не ожидала от него, заправляя мой локон за ухо, — они цвета крепчайшего виски... Они опьяняют.

Сердце забилося в бешеном ритме, от чего-то вдруг закружилась голова...

— Я долго думал, — продолжил лорд Аверан, касаясь пальцами моих губ, — на что же я готов, чтобы ты взглянула на меня еще раз так, как тогда... на Персиковом балу и позднее в городском парке и понял — на все.

Судорожно вздохнув, я прошептала:

— В городском парке вы были великолепны...

Аверан самодовольно усмехнулся и с явным сожалением произнес:

— К сожалению, повторить будет невозможно, я лично оплатил установку ограждающего забора. Мне жаль. Я желал бы спасти вас ежедневно, но там гуляют с детьми.

— Я... понимаю, — прошептала, до глубины души пораженная его поступком.

Поступком, который вмиг совершенно и полностью перечеркнул все мое восприятие этого человека. Это был он. Он... Он потратил

неимоверное количество средств на установку ограждения парка в провинциальном городке, который вряд ли еще когда-либо посетит, исключительно ради безопасности абсолютно чужих ему детей...

— Увы, — продолжил Аверан, — в остальном вы были всегда столь осмотрительны и предусмотрительны, что у меня более не было возможности вас спасти... — Усмехнулся и добавил: — Ну кроме спасения от нелепой свадьбы с мистером Одтовером.

— Вы! — мне вдруг совершенно перестало хватать воздуха. — Но... как вы узнали, лорд Аверан? Вы что, подкупили его лечащего врача?

Мужчина посмотрел на меня, насмешливо изогнув бровь, усмехнулся и сообщил:

— К дьяволу, Элизабет, я подкупил всех. Врача, корабельного врача, половину друзей Одтовера, всех ваших слуг и часть городских матрон.

В полнейшей растерянности я смотрела на герцога, а он добавил:

— И священника.

— Священника? — в полном непонимании переспросила, глядя на него широко распахнутыми глазами.

— Пришлось, — совершенно серьезно поведал Аверан. — Понимаете, Элизабет, единственный способ заполучить женщину целиком и полностью это брак. Поэтому в данный конкретный момент мы с вами венчаемся на окраине города, а затем курьер доставит копию свидетельства о браке вашему отцу.

— Что?!

Совершенно не испытывая мук совести по поводу происходящего, Аверан пояснил:

— Видите ли, Элизабет, вы оказались правы — Уэстенс на редкость дружный городок, и организуй я ваше похищение, городские власти вынудили бы его величество устроить всекоролевский поиск, и в результате вас отобрали бы у меня в течение месяца, максимум двух. Это крайне малый срок для владения вами. Я бы даже сказал — неимоверно крохотный.

— Лорд Аверан, — я была вне себя от гнева, — но вы уже похитили меня!

— Вы ошибаетесь, — заявил он мне с самой коварной улыбкой, — все было совершенно не так.

— А как же?!

Герцог улыбнулся, наклонился к моим губам и прошептал:

— Я влюбился в вас с первого взгляда, меня поразило будто молнией, я на вас женился, а после увез в свой замок, где холил и лелеял до самой

смерти и... умерли они в один день. Все в соответствии с вашими городскими легендами и традициями.

— О, боже! — только и сумела выдать потрясенная я.

Лорд Аверан усмехнулся, коснулся моих губ, и прошептал:

— Так говорите, я настолько ужасен?

— Вы чудовищны, — выдохнула я.

— И вы совершенно не скучали по мне? — провокационно поинтересовался он.

— Чуть-чуть... — не стала лгать я.

Герцог движением великолепного танцора отшагнул от дерева, увлекая меня за собой, вновь обнял и произнес:

— Знаете, Элизабет, я полагаю, вы несомненно полюбите меня, если я вас еще несколько раз спасу, что скажете?

Я совершенно не знала, что на это сказать. И мне не давала покоя мысль, что в этот самый момент я выхожу замуж... Но гораздо больше поразило то, что лорд Аверан лично позаботился о том, чтобы больше никогда ни одна лошадь не могла угрожать безопасности детей, гуляющих с нянями в парке... Этот поступок говорил о многом, о гораздо большем, чем я думала о герцоге.

И отбросив все свое прежнее восприятие лорда Аверана, я запрокинув голову, взглянула на него совершенно иначе. На меня смотрел удивительно красивый молодой мужчина, с глубоко посаженными пронзительно синими глазами и печатью властности на лице. Он слегка кривил губы в усмешке, но я вдруг совершенно отчетливо поняла, что это лишь маска, которой он закрывается от мира. Я вспомнила о том, как впервые увидела герцога на Персиковом балу? Тогда мне показалось, что он смотрел на всех с презрением, но лишь сейчас мелькнула мысль — а что если его презрение было следствием всеобщего подчеркнутого раболепия? Ведь если бы он действительно искал поклонения, не стал бы столь стремительно покидать городской парк, в тот момент когда все бросились благодарить его...

— Элизабет? — пристально следя за сменой эмоций на моем лице, спросил лорд Аверан.

Возможно ли, что я ошибалась в нем?

— Элизабет, о чем вы сейчас думаете? — с нескрываемой тревогой спросил герцог.

— Пытаюсь понять вас, — искренне ответила я.

— Элизабет! — лорд Аверан подхватил меня на руки и понес в карету.
— Давайте без этого, прошу вас.

Он внес меня в экипаж, но не выпустил из объятий и усадил к себе на

колени, а едва карета тронулась, произнес:

— Буду откровенен — я привык считать себя прожженным, коварным и жестоким мерзавцем. Меня вполне устраивало подобное восприятие себя, до тех пор, пока вы лично не сообщили мне, что я в вас влюблен.

— Я вам не сообщала!

— Хорошо, вы иронизировали, но попали в цель, — тяжело вздохнул, признавая свое поражение Аверан. — В любом случае, прошу вас, не надо мне ничего обо мне рассказывать.

Я улыбнулась, глядя на него, а затем, повинувшись какому-то совершенно новому для меня порыву, коснулась его волос, спустившись, провела пальцами по щеке...

Лорд Аверан судорожно выдохнул, простонал, стиснув зубы, и сдался:

— Ладно, рассказывай.

Улыбнувшись, я убрала руку и прижалась к его светлости.

Говорить ни о чем не хотелось, слова, вопросы, сомнения — все кануло в Лету, оставляя тихое ощущение счастья.

Спустя несколько часов мы прибыли в небольшое имение на берегу моря, и едва карета остановилась, открылась дверь и герцогу передали два свитка. Один он не глядя отдал мне, второй внимательно прочел сам и лишь после передал мне. Впервом оказалось свидетельство о браке между мисс Элизабет Хемптон и лордом Грэданом Адэйр Аверан, во втором гневное письмо моего отца, возмущенного как нашим побегом так и тайной свадьбой, в конце же обнаружилась приписка от маменьки со словами «Боже, как же я счастлива».

— Как я и сказал, леди Аверан, — самодовольно заявил Грэдан, вынося меня из кареты, — все, включая ваших родителей, поверили в историю с побегом.

Усмехнулся, и неся меня в поместье, прошептал самым коварным тоном:

— И только мы с вами в курсе похищения. К слову, дорогая, а известно ли вам, как поступают с прекрасными пленницами?

Мне стало несколько не по себе, но не желая продемонстрировать собственный страх, с вызовом поинтересовалась:

— Дорогой лорд Аверан, а вам известно как поступают прекрасные пленницы со своими похитителями?

— Я догадываюсь... — коварно протянул он. — Но видите ли, дорогая леди Аверан, у вас руки связаны супружеским долгом, а вот лично я собираюсь в полной мере насладиться своей прекрасной пленницей.

* * *

От всех прочих городков северной Ландрии наш Уэстенс отличал один неоспоримо положительный факт — у нас искренне верили в сказочную, волшебную и умопомрачительную любовь.

И тому способствовало немало причин.

К примеру — не верите в любовь с первого взгляда? Напрасно. Совершенно напрасно, вот помнится в 1769 году юный ненаследный принц Ландрии, проезжая по городу, увидел прелестную цветочницу шестнадцати лет, чей папенька чаще возлежал на мостовой в состоянии блаженного опьянения, нежели заботился о благе семьи, а матушка была вынуждена самолично копаться в земле на заднем дворе покосившегося дома, взращивая цветы, продаваемые в последствие единственной дочерью. И что вы думаете — полюбил с первого взгляда. Городские кумушки говаривают, что поразило его будто молнией и женился, как есть женился уже на следующий день, а опосля увез цветочницу в свой замок, где холил и лелеял до самой смерти и умерли они в один день.

Или может, думаете, что для любви существуют преграды? Это вы зря. Вот помнится в году 1784 герцог Меруанский, запертый суровым руководителем академии во избежание позорного союза отпрыска благородного семейства с пастушкой, запер его в казематах. И что бы вы думали — сбежал. Как есть сбежал. Нашел свою пастушку, женился на ней в тот же день, а после холил и лелеял до самой смерти и умерли они в один день.

А может статья верите, что любви покорны лишь юные да горячие сердцем? В году так 1796 преклонных уж лет новый руководитель военной академии прибыл в наш городок, узрел он пышных форм вдову Лагерфельд и... женился на ней в тот же день, а после холил и лелеял до самой смерти и умерли они в один день.

И с некоторых пор в городе появилась еще одна легенда, о том, как в году так 1817 один надменный герцог без ума влюбился в своенравную дочь торговца. Ради нее он очаровал весь город, остановил лошадь на скаку, довел до нервного срыва ее жениха, заставив одного в страхе бежать, а после... Нет, вот тут надеждам моего супруга не довелось сбыться, в народ ушла версия именно с похищением. Так вот он ее похитил, а чтобы его сокровище не отобрали, быстренько женился, и с тех пор... долго и старательно спасал.

О, отчего только Грэдан меня не спасал!

В году так 1817 — от нападения бурого медведя в Ируанских лесах. Я сопротивлялась, медведь тоже, но в результате Аверан всех спас, после чего счастливый и довольный потребовал вознаграждения для спасителя.

В 1818, по пути в Суордскую крепость, на нас имели несчастье напасть грабители. Несомненно, меня вновь спасли, все с тем же требованием в итоге.

В том же 1818 Аверан был назначен главнокомандующим Западного легиона, и оставив меня дома, отправился спасать западные границы Ландрии. Спас. Спустя семь месяцев вернулся домой с самым гордым видом победителя, и с порога заявил:

— Любимая, я всех спас. Требую награду победителю, и на этот раз мне ночи будет мало, пять как минимум.

— О, мой герой, — я, отложив вышивание, с трудом поднялась, и поглаживая весьма округлившийся живот, радостно сообщила основательно поскучевшему от моего положения супругу, — еще немного, и я гарантирую вам длинные, долгие и совершенно нескучные ночи в компании вашего наследника.

— Звучит... заманчиво, — протянул Грэдан, отстегивая саблю от пояса.

И строя из себя самого несчастного героя на свете, которого ждало жуткое разочарование в конце победы, но... Но я превосходно видела, как блестят от счастья его глаза, а ночью сделала вид, что очень крепко сплю, и совершенно не слышу тех нежностей, которые лорд Аверан шептал, целуя мой животик.

Конец.

С Новым Годом!

Счастья, любви, головокружительных успехов, верной удачи и чудесных дней!

Пусть новый год принесет вам счастье!

С любовью и благодарностью за то, что вы есть,

Ваш любимый автор,

Елена Звездная.